

Александр Михайловский
Александр Харников

ПУТЬ В ЦАРЬГРАД

Путь в Царьград - 1

Ангелы в погонах

Александр Михайловский

Путь в Царьград

«Автор, Автор»

2014

Михайловский А. Б.

Путь в Царьград / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор»,
2014 — (Ангелы в погонах)

В 2012 году к берегам Сирии, охваченной пламенем войны с терроризмом, вышла российская эскадра под командованием контр-адмирала Ларионова. Но из Средиземного моря 2012 года она неожиданно попала туда же, но только 1877-го года, где уже месяц идет Русско-турецкая война за освобождение Болгарии. Русские войска стоят на Дунае, готовясь к генеральному наступлению. Еще ничего не предрешиено, но, как известно выходцам из XXI века, эта война была проиграна еще до ее начала, ибо, благодаря Рейхштатским соглашениям, заранее подписанным канцлером Горчаковым, пролитая на этой войне кровь русских солдат принесет пользу кому угодно, только не Российской империи. А еще на политическом горизонте мрачной тенью маячит Берлинский конгресс. Конечно, русские моряки, не раздумывая, приходят на помощь своим предкам. Эскадра с боем прорывается в Проливы и захватывает Стамбул – древний Царьград. Но как строить взаимоотношения с Российской империей? Что делать с обломками поверженной Оттоманской порты и плененным султаном Абдул-Гамидом? Какой политики придерживаться по отношению к так называемому «мировому сообществу», весьма встревоженному появлением могущественных пришельцев? И в первую очередь это касается Британской империи, уже считающей себя владычицей мира. Как сломать мировой и, в первую очередь, европейский консенсус, нацеленный на ограничение и сдерживание развития российского могущества? Герои этой книги сделали свой выбор, и все последующие события мировой истории пошли совсем по другому пути...

© Михайловский А. Б., 2014

© Автор, Автор, 2014

Содержание

Пролог	6
17 декабря 2012 года, порт Усть-Луга, Ленинградская область	6
18 декабря 2012 года, Балтийское море, 80 миль северо-западнее Балтийска	13
Примерно то же время, внешний рейд Североморска, главный командный пункт ТАКР «Адмирал Кузнецов»	14
19 декабря 2012 года. Балтийское море, на подходе к Копенгагену, учебное судно «Смольный»	17
19 декабря 2012 года, Балтийское море, борт учебное судно «Смольный», на траверзе Копенгагена	21
28 декабря 2012 года, Средиземное море, где-то в треугольнике Родос, Кипр, Александрия, борт учебного судна «Смольный»	24
Часть 1. Отсюда – туда	26
Нигде и никогда, вне времени и пространства	26
Узел четвертый, 5 июня 1877 года, Эгейское море, 60 миль южнее острова Лемнос	27
День Д, 5 июня 1877 года, Эгейское море, 60 миль южнее острова Лемнос, адмиральский салон тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов»	30
Тогда же и там же	33
День Д, 5 июня 1877 года, Эгейское море, остров Лемнос	36
5 июня 1877 года, Эгейское море, остров Лемнос	39
День Д, 5 июня 1877 года, Эгейское море, неподалеку от острова Лемнос	42
5 июня 1877 года, Эгейское море, ТАКР «Адмирал Кузнецов»	45
День Д, 5 июня 1877 года, вечер, Эгейское море, 50 километров юго-западнее входа в пролив Дарданеллы, Оперативный отдел тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов»	49
День Д, 5 июня 1877 года, вечер, Эгейское море, 50 километров юго-западнее входа в пролив Дарданеллы, Оперативный отдел тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Михайловский, Александр Харников Путь в Царьград

Пролог Дан приказ ему на запад...

**17 декабря 2012 года, порт Усть-
Луга, Ленинградская область**

**Журналист и специальный корреспондент
ИТАР-ТАСС Александр Тамбовцев**

Водная поверхность Лужской губы, едва прихваченная тонким хрустящим ледком, курилась морозным паром. Начало зимы в этом году в Питере выдалось морозным, с обильными снегопадами.

Лайнер «Колхида» под флагом вспомогательных судов Российских ВМС стоял у причала, одетый в белое кружево инея. Над водой пронзительно голосили чайки.

Я прогуливался по пирсу, вздрагивая от холодного ветра дующего с залива. Даже теплая зимняя куртка на меху не помогала, и я зябко ежился, наблюдая за деловой суетой докеров, опускавших в трюмы транспортного судна «Колхида» контейнеры защитного цвета без обычной грузовой маркировки. Рядом у причалов стояли учебные суда Балтфлота: «Смольный», «Перекоп», а также белоснежный плавучий госпиталь Черноморского флота «Енисей», прошедший в Питере текущий ремонт. Царила обычная в таких случаях суета, а громкие крики докеров смешивались с ненормативной лексикой.

А все началось каких-то две недели назад. Меня неожиданно вызвал шеф питерского отделения Агентства и сделал предложение, от которого я не смог отказаться. А именно – отправиться в очередную командировку в очередную горячую точку на борту одного из кораблей объединенной эскадры Северного, Балтийского и Черноморского флотов.

Корабли следовали в Сирию, где фактически шла гражданская война с применением тяжелого оружия. Эскадра должна была «показать флаг» соседям Сирии, мечтавшим под шумок урвать от раздираемой внутренней смутой страны лакомые кусочки ее территории. А у нас в Сирии были свои интересы, плюс база в Тартусе – единственное (не считая Севастополя), заграничное место базирования российских кораблей. Командировка обещала быть интересной и, скажем прямо, опасной. Ведь янки и их прихлебатели хотели под вывеской «гуманитарной интервенции» повторить иракский и ливийский варианты. С учетом резкого ухудшения отношений между США и Россией (один акт Магницкого чего стоит!) возможны были самые крутые варианты развития событий, вплоть до прямого боестолкновения между нашими и американскими кораблями. А что за этим могло последовать, даже думать не хотелось.

Оформив в темпе «держи вора» все необходимые документы, я собрал свой походный рюкзак, захватил неразлучный нетбук, а также фотоаппарат, и в понедельник 17 декабря отправился к месту посадки на автобус, который должен был доставить меня и других представите-

лей СМИ в Усть-Лугу. Именно там нам и предстояло погрузиться на учебное судно ВМФ с революционным названием «Смольный».

Рандеву было назначено у станции метро «Автово», рядом с танком КВ-85, установленным на постаменте в качестве памятника. В Блокаду здесь начиналась прифронтовая полоса.

Для меня это место было памятным и святым. В нескольких километрах отсюда, у Старо-Паново, в 1943 году получил осколок в живот мой дед по отцу, Тамбовцев Петр Иванович. На следующий день он умер в полевом медсанбате. Похоронили его на Красненьком кладбище, которое находилось в метрах двухстах от танка-памятника. Позже рядом с ним похоронили и мою бабушку, а еще позже – моих родителей. Все они были блокадниками.

Я приехал на метро за час до назначенной встречи. Сходил на кладбище, смахнул снег с памятника, положил на могилы родных цветы. Потом зашел в стоящий рядом с кладбищем храм Иконы Казанской Божьей Матери, помолился, заказал Сорокоуст по душам усопших и поставил свечку к иконе Николая Чудотворца – покровителя всех странствующих и плавающих по морям. В числе оных с сегодняшнего дня я мог считать и свою скромную персону.

На выходе из церкви я почувствовал, как у меня защемило сердце. Почему-то подумалось, что сюда мне уже больше не вернуться... Предчувствие – великая вещь, в этом я сумел убедиться в своих командировках. И оно не раз спасало меня от смерти...

У окрашенного в веселый салатный цвет танка-памятника толпилось десятка два человек. Среди них я узнал и своих коллег – журналистов из ГТРК «Звезда». Кое с кем мне уже довелось побывать в местах, где стреляют, взрывают и убивают.

Помимо «акул пера», у постамента компактной группой стояли десятка полтора неуловимо похожих друг на друга людей среднего возраста. Хотя они отнюдь не были братьями-близнецами. Среди них была симпатичная неяркая блондинка неопределенных лет и высокий брюнет с ярко выраженной восточной внешностью, сразу бросившийся в глаза. «То ли турок, то ли араб», – подумалось мне.

И тем не менее общего между этими людьми было гораздо больше, чем различий. Кого же они напоминали? Скорее всего, коллег, но не нынешних – собратьев по журналистскому цеху, азартно обсуждающих предстоящую командировку, – а тех, с кем довелось работать четверть века назад.

В те годы я, тогда еще тридцатилетний старлей, служил в одной тихой конторе, трехбуквенная аббревиатура которой была известна всему миру. К началу «катастрофы» я дослужился до капитана, впереди уже маячили майорские погоны, но... Грянул роковой девяносто первый год, и Великой Страны не стало. А тому образованию, что возникло на ее месте (какое-то невнятное «ЭСЭНГе на палочке») уже были не нужны такие, как я.

Кто-то из моих бывших коллег подался в начальники коммерческих «служб безопасности», кто-то – в бандиты, кто-то – в бизнес... А я пошел в журналистику, потому что там, где мне когда-то доводилось работать под другой фамилией, я иногда использовал для прикрытия журналистское удостоверение. Ну а теперь бейджик с надписью «ПРЕССА» окончательно заменил мне «корочки» сотрудника ПГУ.

Впрочем, некоторые из моей конторы подались и в президенты... С нынешним я знаком не был (у нас были разные направления), но в детстве мы вполне могли с ним встречаться. Ведь школы – моя и его – находились рядом, да и жили мы на соседних улицах. А в числе моих одноклассников были и те, кто неплохо знали Вовку с Баскова переулка.

Журналистская карьера у меня, в общем-то, заладилась. С помощью старых связей мне удавалось попадать в такие места, куда обычным представителем прессы попасть было затруднительно. В основном это были «горячие точки». Благодаря оперативным и объективным материалам с мест событий мое имя быстро стало широко известно в узких кругах.

Даже в самые мерзкие годы «разгула демократии» я не опускался до откровенных «чернухи» и «заказухи», что соответствующим образом оценили «где надо», и командировки, куда меня направляли, становились все интереснее и интереснее.

Но, несмотря на вполне успешную карьеру, меня не покидала тоска по молодым годам и работе в «конторе»...

Да, кстати, вон с тем подтянутым мужчиной средних лет, с сединой на висках, я уже был знаком. Лет двадцать назад, перед самым августом девяносто первого года, в наш отдел пришел молодой лейтенант. Как же его звали? Кажется, Николай Ильин? Точно – Ильин...

Но молчок – машинально погладив свою седую бороду, я скользнул по бывшему коллеге взглядом. Если нам и впрямь по пути – значит, Николай и по сей день работает в «конторе». Ибо в турпоездку в Сирию сегодня никто уже не ездит. Времени поздороваться и покалякать о делах наших скорбных у нас потом будет предостаточно. Особенно когда вокруг не будет посторонних глаз. Тем более что Николай, встретившись со мной взглядом, чуть заметно кивнул, как бы признавая былое знакомство.

В это время от группы московских телевизионщиков меня окликнули:

– Тамбовцев! Александр Васильевич!

Обернувшись, я увидел знакомого мне по командировке на «войну трех восьмерок» телеоператора «Звезды» Андрея Романова. Ну конечно: съемочная группа ВГТРК за аналогичную командировку уже была награждена медалями «За отвагу» – пришло время и парням из «Звезды» зарабатывать награды...

Поздороваться и поговорить с Андреем я так и не успел, потому что именно в это время к танку-памятнику подкатил вместительный «Неотон».

Молчаливые «люди в штатском» компактно расселись на задних сиденьях автобуса, съемочная же группа «Звезды», забросив в багажник свои кофры и ящики с аппаратурой, шумной компанией разместились спереди.

Романов подсел ко мне, поставив сумку со своей навороченной камерой на пол в проходе.

– Александр Васильевич, здравствуйте! Какими судьбами?

– Теми же что и ты, Андрей, – ответил я поудобнее устраиваясь на мягком сидении у окна. – Командирован редакцией ИТАР-ТАСС в известную тебе страну для освещения известных тебе событий. И, наверно, хватит пока об этом – еще успеем наговориться в дороге.

Автобус плавно тронулся с места и покатил по проспекту Стачек в сторону Петергофа. Миновав Красное село, «Неотон» прибавил скорости. Я задумчиво смотрел в окно, прощаясь с родным городом. Ведь человек предполагает, а Бог располагает. И едем мы не в колхоз «Червоное дышло» брать интервью у знатной доярки Марьи Ивановны о рекордных надоях, а в далекую страну, где давно уже полыхает война, подогреваемая силами международного терроризма и странами НАТО, и где счет убитым идет на десятки тысяч. Вполне вероятно, что эта гражданская война в самое ближайшее время перерастет в Большую Ближневосточную, если не сразу в Третью Мировую. Андрей Романов понял мое настроение, и больше не пытался заговорить.

За окном автобуса плыли присыпанные снегом леса. Разговаривать почему-то совершенно не хотелось, даже с хорошим знакомым. Я все смотрел и смотрел в окно, пытаюсь надолго сохранить в памяти картины зимней России.

В Кингисеппе автобус сошел с трассы и повернул в сторону Усть-Луги, где под погрузкой стояло учебное судно «Смольный» Балтийского Флота Российской Федерации, на котором мы и должны были отправиться в путешествие.

У причала, кроме нашего автобуса, стояло еще несколько машин и длинный, как песня акына, междугородний автобус МАН. Из него выгружались какие-то люди, в которых опытный глаз мог без напряжения распознать медиков, причем именно военных медиков. Но для меня все эти наблюдения были излишни, так как среди людей с чемоданами у трапа я снова увидел

знакомое лицо. Игорь Петрович Сергачев – военный хирург, а в далекие шестидесятые мой школьный товарищ. Последний раз мы виделись с ним в мае этого года, на встрече одноклассников, собравшихся на сорокалетие нашего выпуска.

Именно тогда я прочувствовал то, что ощущают немногие еще живые ветераны Великой Отечественной, собираясь в День Победы – сиротство и горечь потерь. Из тридцати выпускников на встречу в сквер возле школы пришло меньше половины. Одних уж нет, а те далеке... Кто-то бесследно затерялся на необъятных просторах СССР, кто-то уехал «на историческую родину», кто-то умер...

Тем временем Игорь, как будто почувствовав, что на него смотрят, обернулся.

– Компаньеро Алехандро, салют! – это было его шуточное приветствие еще со школьных времен.

– Геноссе Игорь, и ты туда же?

Мы крепко обнялись, и начали расспрашивать друг друга, задавая привычные в таких случаях вопросы: как жизнь, здоровье, как дела. Тем более что посадка, похоже, задерживалась.

– Да вот, знаешь, надо попрактиковаться, пока глаз остер и рука тверда... – Игорь характерным жестом размял пальцы в тонких перчатках, – а то ведь еще пара лет – и годы возьмут свое...

– Ерунда, Игорек – вон, покойный хирург Федор Углов делал операции на сердце в девяностолетнем возрасте. А насчет здоровья – так ты еще простудишься на наших похоронах, вон какой здоровый! – Я хлопнул одноклассника по плечу. – Скажи, ты это, какими судьбами оказался здесь?

– Скажу тебе по старой дружбе, только ничего не пиши об этом. – Сергачев оглянулся по сторонам. – Формально мы – мобильный госпиталь МЧС, и едем в Сирию на плавучем госпитале «Енисей» оказывать помощь пострадавшим. Но на самом деле здесь собраны опытные военные медики из госпиталей дивизионного и армейского уровня, причем преимущественно с Кавказа. Большинству моих коллег огнестрельные и осколочные ранения, контузии и термические ожоги куда более знакомы, чем простуды мигрени и запоры. Вот, как-то так.

– М-да, дружище, спасибо за инсайд, но о чем-то подобном мне уже мысль приходила в голову, – я понизил голос. – Моя чуйка шепчет, что едва мы успеем добраться до места назначения, как начнется или очередное «принуждение к миру», или вообще «интернациональная помощь».

– Ладно, Шурик, увидимся еще, а мне пора...

Медики, получив команду, гуськом направились к причалу, где стоял «Енисей».

А на другом причале, у которого стояли два учебных судна Балтфлота – «Смольный» и «Перекоп», – по трапу на борт длинной вереницей поднимались... нет, не курсанты военно-морских училищ, а офицеры и солдаты-контрактники, навьюченные вещмешками и баулами. «Да, становится все чудесатее и чудесатее... – подумал я. – Похоже, в командировке мне будет совсем не скучно».

У трапа «Смольного» пограничники тщательно проверили мои документы, заглянув в какие-то свои шпаргалки. Примерно такая же процедура ожидала меня и на самом судне. Вахтенный сверился с длинным свитком, поставил галочку напротив моей фамилии и дал мне ксерокопию со схемой расположения помещений корабля, где птичкой была отмечена моя каюта. Двухместная каюта была оборудована в спартанском стиле: две койки, столик, рундук и тумбочка. Вскоре пришел и мой сосед. Им оказался телевизионщик Андрей Романов.

Бросив свой сидор на койку, я поднялся на верхнюю палубу. Там уже всюю шли приготовления к выходу в море. Палубная команда отдала швартовые, буксиры отвели «Смольный» от причала, палуба под моими ногами завибрировала. Дав прощальный гудок, корабль, раздвигая форштевнем ледяное «сало», плавно и величаво двинулся из Лужской губы в Финский

залив. На границе российских территориальных вод, на траверзе Усть-Нарвы, к «Колхиде», «Енисею», «Смольному» и «Перекопу» присоединились сторожевой корабль Балтфлота «Ярослав Мудрый» и танкер «Дубна».

Коля Ильин нашел меня почти сразу же после отхода «Смольного». Да и какой он теперь Коля? Подполковник Службы Внешней Разведки Российской Федерации Ильин Николай Викторович. Ага, меня уже переплюнул, салага! Но теперь назвать его так язык не повернется. В самом деле – он вполне солидный мужчина и, с его слов, имеет взрослого сына, который служит офицером в морской пехоте, и дочь-красавицу на выданье.

Мы спрятались с ним от посторонних глаз на корме, под навесом надстройки, где можно было хоть немного защититься от пронзительного холодного ветра, но не от вездесущей морозной сырости. Насколько я знаю своих бывших коллег, на эту встречу Николаю было необходимо получить разрешение от командира группы. Тем более что о моем присутствии на «Смольном» для ребят из «конторы» было, скорее всего, известно заранее. В одном заведении на меня давно уже собрано досье, пожалуй, потолще, чем бюджетное послание министра финансов Госдуме. Но раз он все-таки пришел, значит, карты легли как надо.

Мы стояли, он покуривал трубку (я уже лет двадцать, как бросил эту пагубную привычку) и разговаривали вроде бы ни о чем. А в голове крутилась только одна мысль. Сам факт нахождения моих бывших коллег на борту этого корабля, «Смольный» и «Перекоп», превращенные в военные транспорты и набитые офицерами и солдатами – все говорило о том, что игры в войну с «условным противником» закончились, и вот-вот пойдет такая пьянка, что последнему огурцу явно не поздоровится. А пока мы рассматривали наш эскорт.

– Серьезный парниша, – Николай кивнул в сторону хищного силуэта сторожевика, – без него нам в Балтике было бы не совсем уютно. Эстов с прочими гордыми шпротоедами наши «партнеры» так накачали, что они просто на ушах стоят.

– Ну, эсты – это известные американские прилипалы, – я плотнее запахнул куртку. – Но, в любом случае, знаешь, с этой командировкой я вдруг почувствовал себя как когда-то в добрые старые времена моей работы в «конторе». Уж больно все быстро произошло – в стиле типа «пятнадцать минут на сборы».

Николай пожал плечами.

– Да и я еще вчера утром был не в курсе, ни сном ни духом, хотя ты сам знаешь нашу «богадельню»: «достать луну с неба к завтраму» или «закат солнца вручную»...

– Ну так ведь и доставали же, и закатывали... – я вздохнул, – вот были времена.

– И небо было голубее, и солнце ярче, и девушки красивее, и мы моложе... – Николай мотнул головой. – Ну да хватит пессимизма. Васильевич, расскажи-ка лучше немного о себе? Ведь, считай, двадцать лет не виделись.

Я грустно усмехнулся.

– И как будто вы меня перед встречей по своим базам не пробили? Я ведь, Коля, может, и постарел, но отнюдь не поглупел. Знаешь ведь, что тружусь все двадцать лет корреспондентом в питерском отделении ИТАР-ТАСС. И в этом качестве повидал и Крым и Рим, и попову грушу, и даже его дочку... Сначала, при «Борьке-козле», совсем мерзко было, так что и жить не хотелось. Потом полегчало чуток. В декабре 1994 года чуть не ухлопали меня в Грозном во время «первой чеченской», потом в Югославии был в 1999 году, вместе с парнями Евкурова на Слатину шел. В 2000 году – «вторая чеченская», потом Ирак, потом Цхинвал, в известном тебе августе. До сих пор душа болит, как тогда мы облажались. Городок – до Тбилиси рукой подать, грызуны бегут быстрее своего визга, гарнизоны брошены, оружие горами на складах, все канавы забиты брошенной натовским армейским барахлом... Да что тебе рассказывать – ты и сам все видел. – Я подмигнул своему собеседнику. – У меня ведь тоже есть свои источники информации... Да... И тут команда – «СТОП!» Айфоныч, видать, просто струсил. А Цхинвал? Этого выкидыша Мишико надо было не галстуком кормить, а на том самом галстуке повесить

за «фаберже». Тем более что наш бывший коллега это пообещал – а он, сам знаешь, умеет держать обещания. Эх, ладно... кто видел – не забудет, а кто не видел – не поймет. Потом, после восьмого года командировочки были так, по мелочи: испытания техники да учения... И вот теперь снова – Сирия.

– Сирия, Васильевич это серьезно... – Коля оглянулся по сторонам. – Так сказать, не для печати, но где-то с месяц назад наши вдруг зашевелились по этому вопросу... А уж после визита Путина в Турцию все забегали как наскипидаренные...

– Это когда Лавров руку то ли сломал, то ли растянул? – улыбнулся я. – Помню-помню, как же... Та еще была история! Не прониклись, значит, турки словесным внушениям, воспоминания об Оттоманской славе в голову ударили?

– Как то так, Васильевич, но это секрет из грифа «Сов. Секретно, перед прочтением сечь». – Коля опять обернулся. – Но, в общем, ты прав.

– Имеющий уши да услышит, имеющий глаза да увидит, имеющий язык, да скажет... – Я тяжело вздохнул. – На дипломатическом фронте в последнее время по этому вопросу наше стойкое «нет» стало переходить в простонародное «на...», «в...» и «к...». И наш совместный поход к теплым берегам только подтверждает этот вывод. Уже, считай, почти семьдесят лет не было такого, чтоб журналистов награждали боевыми орденами и медалями... Ты слышал, что вся группа ВГТРК, что работала в Сирии до нас, представлена к медали «За отвагу»?

Коля задумался и сказал:

– Не только представлена, но и награждена... Я слышал только про эту журналистку, как ее, Анастасию Попову, но ты прав, Васильевич, это война.

– Поверь мне, в представлении оказалась вся группа, даже те, кто в кадр никогда не попал. – Я зябко передернул плечами, когда очередной порыв студеного ветра с Балтики пронесся по палубе. – Было бы это не наше дело – и при первой опасности их просто вывели бы оттуда и не стали бы рисковать. А насчет войны ты прав, и для каждого это будет своя война. Для меня и ребят из «Звезды» – информационная, для вас, разведки – интеллектуальная и военно-политическая. А возможно, кому-то из коллег придется повоевать в самом изначальном смысле этого слова. Вон в тех контейнерах на палубе «Колхиды», к примеру, явно не подарки от Санта-Клауса везут. И в трюме тоже... По осадке видно, что корабль загружен до упора...

– Да, Васильевич, не потерял ты хватки, не потерял... – покачал головой Николай. – Правильно говорят, что мастерство не пропьешь. Не ушел бы тогда от нас, сейчас бы тебе цены не было.

– Если бы сам не ушел – меня бы все равно «ушли». Да и какая тут хватка, Коля? – отмахнулся я, – все просто, как комбинация из трех пальцев. В воздухе пахнет грозой и собаки воют, а у меня, у старого, остатки волос на голове дыбом встают. Эта Сирия сейчас как Испания в тридцатых. После нее вся эта банда снова напрямик к нам в гости заявится. Чем больше мы там этих уродов намолотим, тем легче будет потом. Ты же знаешь, что в Сирию вся нечисть из Чечни, Таджикистана и прочих веселых мест сбежалась. Да и турецкую борзость обломать надо: Эрдоган и Гюль – они ведь не просто так на Сирию зубы точат. У нас вот Союз хотят возродить, ну или Российскую империю – не суть важно. А у турок мечта об Оттоманской Порте спать не дает, у арабов-саудитов – о халифате времен Карла Великого. И для всех эта война как свет в окошке. И для нас она тоже многое значит. Победим на внешнем рубеже – и будет нам счастье, новоявленные Хоттабычи все полягут в сирийскую землю, и ни до Кавказа с Поволжьем, ни до Средней Азии не доберутся. Впрочем, мы еще поговорим с тобой на эту тему... – Я подошел к борту и, облокотившись на поручни, стал смотреть на бегущую внизу воду. – Знаешь, Коля, если будет надо – вернусь в «контору»! Только ведь мы, журналисты, тоже нужны Родине, и у нас своя война...

– А вот тут ты прав, Васильич, – Николай облокотился на поручни рядом со мной, – не будет таких, как ты – все заполонят либеральные шавки из «средств массовой дезинформа-

ции». Чистая отравка. Ты делай свое дело, мы будем делать свое. Я тут в ближайшее время тебя с одним человечком познакомлю, вам интересно будет, это я тебе гарантирую. Смежник он. Мы негодяев находим, а он их в лучший мир отправляет. Но только, чур, без имен и подробностей...

– Группа «А»? – заинтересовался я.

– Нет, он из другого ведомства, – Коля замялся, – ну ты понимаешь... Группа «А» на гастроли не ездит.

– «Летучий мыш»? – спросил я, Коля кивнул, и я по старой привычке присвистнул. – Серьезно!

– Ну ладно, Васильевич, свидимся! – Подполковник Ильин пожал мне руку. – А сейчас мне пора, извини – дела!

Он ушел, а я остался рассматривать волны, рассекаемые форштевнем нашего корабля, и размышлять о превратностях судьбы, которые совершенно неожиданно сводят и разводят людей.

18 декабря 2012 года, Балтийское море, 80 миль северо-западнее Балтийска

**Журналист и специальный корреспондент
ИТАР-ТАСС Александр Тамбовцев**

Утреннее солнце разогнало туман, и по левому борту в его радужном ореоле показались идущие с юго-востока два больших десантных корабля 775-го проекта: «Калининград» и «Александр Шабалин», и морской буксир, кажется СБ-921, который на фоне «больших парней» выглядел несколько забавно.

После объединения наш отряд смотрелся солидно, тем более что на «Смольном» поговаривали о том, что до Скагеррака нас скрытно сопровождают одна или две подлодки «Варшавянки».

Вспомнился вчерашний курьезный случай. Вечером, когда мы аккуратно огибали северную оконечность острова Хиумаа, к нам подвалило занюханное суденышко под эстонским военно-морским флагом. Это был катерок со смешным названием «Suuor», наши мореманы-шутники сразу же окрестили его «Сиропом».

Я заглянул в свои шпаргалки в ноутбуке и узнал, что сие плавсредство – почти мой ровесник, во всяком случае, в 1957 году оно уже числилось в составе ВМС Финляндии. В 1999 году катер этот финны подлатали и сбагрили «мааленькоой, но гоордоой» стране. Вооружен «Сироп» был спаренной советской малокалиберной пушкой ЗУ-23-2 и двумя реактивными бомбометами полувековой давности. Забавно было смотреть на этот недомерок: длина катера – 34 метра, водоизмещение – 110 тонн, это две железнодорожные цистерны, экипаж – 16 человек. Однако «дредноут эстонского разлива» крутился вокруг нашего каравана, провоцируя столкновение с одним из российских судов. Стоящий на палубе шкипер этой посуды с помощью рупора на ломаном русском языке поинтересовался нашим курсом, грузом и пунктом назначения. Вахтенный «Смольного» вместо ответа показал любознательному эстонцу интернациональную фигуру, составленную из ребра ладони правой руки, и предплечья левой.

В конце концов капитану нашего каравана надоело любоваться на эстонские экзерциции, и он приказал прибавить ходу. Несмотря на обозначенные в справочнике 15 узлов, «Сироп» явно до них не дотягивал. Вот он в очередной раз, практически впритирку, прошел у борта идущей впереди нас «Колхиды», собрав в свой адрес солидную порцию матюгов. А корабельный кок вылил на голову командира «Сиропчика» ведро помоев из камбуза. Мы обошли болтающийся на волнах, как некая субстанция в проруби, флагманский корабль «непобедимого эстонского флота», и он вскоре растаял за горизонтом.

А на рассвете случилось еще одно происшествие... С юга, со стороны Калининграда, прилетел вертолет Ми-8. Зависнув над кормовой частью «Смольного», он сбросил веревочный трап, и на палубу спустились человек шесть людей, внешность которых говорила сама за себя. Это были «спецы» – скорее всего, «из племени ГРУ», – и их «тотемом» была летучая мышь, парящая над земным шаром. Встречали их Коля Ильин и его начальница, полковник Антонова Нина Викторовна. Похоже, что прибыла обещанная Колей опергруппа и один из новых пассажиров – тот самый полковник «Славян», о котором я уже был немало наслышан. Да и сам когда-то с ним пересекался при весьма драматических обстоятельствах.

Примерно то же время, внешний рейд Североморска, главный командный пункт ТАКР «Адмирал Кузнецов»

– Товарищи офицеры, – контр-адмирал Ларионов обвел взглядом собравшихся, – получен приказ – выйти в море на усиление группы кораблей, возглавляемых БПК «Североморск». По расчетам штаба флота, мы должны встретиться с ними на траверзе Тронхейма. Дальнейший курс – в Средиземное море, куда вышли уже отряды кораблей с Балтики и Черного моря. Задачу по прибытии на место поставит лично Президент. Вместе с «Адмиралом Кузнецовым» для проведения операции штабом ВМФ направлен эсминец «Адмирал Ушаков». Командиру БЧ-7 приготовиться для приема отдельной специальной вертолетной эскадрильи гвардии майора Смирнова, позывной – «Борей». Эскадрилья укомплектована ударными вертолетами: четырьмя Ка-52, четырьмя Ми-28 и восемью транспортно-боевыми вертолетами Ка-29. Сразу после посадки всю технику убрать в ангар. Вместе с эскадрилейой прибудет отдельная разведрота специального назначения под командованием гвардии майора Гордеева. Получено указание контакты команды с личным составом спецроты свести к минимуму. Ответственный – начальник особого отдела капитан 2-го ранга Иванцов.

– Антон Иванович, – обратился адмирал к командиру «Адмирала Кузнецова» капитану 1-го ранга Андрееву, – выделите им изолированное помещение, а также обеспечьте максимальный уровень секретности. Эскадрилья прибудет тремя группами. Первая – восемь Ка-29 с десантом, вторая – четыре Ка-52, и последней прилетит группа из четырех Ми-28Н и двух транспортных Ми-8, которые доставят технический состав эскадрильи и ЗИПы к ударным вертолетам. Группы прибудут с интервалом в сорок пять минут. После разгрузки Ми-8 вылетят обратно в пункт постоянной дислокации Североморск-1. Все всем понятно?

– Товарищ контр-адмирал, это война? – с тревогой спросил командир «Адмирала Кузнецова».

– Пока нет, Антон Иванович, и надеюсь, все обойдется без применения оружия, – ответил контр-адмирал. – В том смысле, что не ожидаются боевые действия против наших «заклятых друзей». Их уже спугнули наши коллеги черноморцы, и американская эскадра покинула восточное Средиземноморье. Теперь их никакими пряниками не заманить на расстояние стрельбы ракетного комплекса «Вулкан» с крейсера «Москва». А узнав про нас, они отойдут еще дальше. Таким образом, возможно «принуждение к миру» турецких «отморозков», но это если господа Гюль и Эрдоган не проникнутся трепетом от самого факта наличия нашей группировки рядом с их побережьем. Товарищи офицеры, приказ понятен? – Офицеры молча кивнули. – Если так, то исполняйте! Еще раз обращаю внимание на соблюдение строжайших мер секретности. О нашем походе, точнее, о том, куда мы направляемся, и что у нас будет на борту, никто, кроме вас, знать не должен. К болтунам будут приняты строжайшие меры – вплоть до... Ну вы понимаете... Антон Иванович, обеспечьте передачу приказа о суточной готовности к выходу в дальний поход на «Ушаков». Если нет вопросов, то все свободны! А вот вас, капитан 3-го ранга Максюта, я попрошу остаться, – в стиле «папы Мюллера» остановил адмирал уже собравшегося покинуть помещение начальника авиатехнической службы. – Александр Иванович, – доверительно обратился Ларионов к Максюту, – у нас будет проходить испытание техника, которая предназначена для оснащения авиакрыльев первых двух кораблей-доков типа «Мистраль». Пока они строятся во Франции, и наше командование решило определиться, нужны ли нам эти французские «поросята», и чем их кормить. После недавних событий на самом верху опять возникли, скажем так, сомнения. Так что на вас ложится ответственность подтвердить или опровергнуть эти сомнения в обстановке похода, максимально приближенной к боевой. К сожалению, наша промышленность в очередной раз подвела, так что Ка-52 будут не корабельной версии. А палубных Ми-28Н пока не существует даже в проекте. Поэтому, лег-

кой жизни я вам не обещаю. Меньше всего хлопот будет, как мне кажется, с серийными Ка-29 из 830-го полка. Сразу после прибытия уберите их в ангар. Обслуживать серийную технику в походе будут их и ваши авиаспециалисты. Надеюсь, что Ка-29 не так сильно отличаются от привычной вашим орлам модели Ка-27? Вот и хорошо! Теперь по ударным вертолетам. Вместе с ними придут технические специалисты из 340-го центра, старший – майор Голованов. Будьте добры, окажите им всю необходимую помощь. До самого конца похода вам придется работать вместе. Понятно?

– Так точно, товарищ контр-адмирал!

– Все, товарищ капитан 3-го ранга, можете идти, я вас больше не задерживаю.

Оставшись один, контр-адмирал Ларионов погрузился в размышления. Чем же все-таки может кончиться для него вся эта история: карьерным взлетом или кровавой заварушкой, по сравнению с которой «война трех восьмерок» покажется детской возней в песочнице? Размышляй или не размышляй, но все равно для него, как для военного, существует только одна истина, которую в свое время изрек римский император-философ Марк Аврелий – «Делай, что должен, и будь что будет».

Во тьме полярной ночи вокруг кораблей, назначенных в поход, закипела работа. Пополнялись до максимума запасы судового и авиационного топлива, до штатных величин загружались запасы авиационных боеприпасов на «Кузнецове», благо, что и истребители-бомбардировщики Су-33, и ударные вертолеты Ка-52 и Ми-28Н могли использовать одни и те же типы боеприпасов. А где-то после условного полудня на палубе «Адмирала Кузнецова» зажглись посадочные огни. Со стороны аэродрома Североморск-1, пробиваясь через морозную дымку огнями посадочных фар, приближалась первая группа из восьми десантных вертолетов Ка-29.

К совершившим посадку «вертушкам» подскочили техники. Надо было срочно убрать их в ангары – уже была на подходе вторая волна из четырех ударных машин Ка-52. С прилетевших вертолетов на палубу шустро стали выпрыгивать люди с высокими рейдовыми рюкзаками за спиной, увешанные самыми экзотическими видами стрелкового оружия. При этом внешне обычную пехоту они напоминали не больше чем волк – болонку. Рядом с ними тут же нарисовался капитан 2-го ранга Иванцов. Прибывшие бойцы как-то незаметно растаяли в лабиринте коридоров «Адмирала Кузнецова», словно их и не было вообще. Конечно, они не просидят взаперти весь поход, но в дальнейшем им разрешат появляться на палубе и среди команды только одетыми в обычную для «Адмирала Кузнецова» форму. Со стороны ни один нескромный взгляд не должен увидеть, что на авианесущем крейсере свили временное пристанище воины «из племени летучих мышей».

Не успели техники убрать в ангар последний Ка-29, как на посадку зашел первый Ка-52. С этими машинами возни было побольше, ибо из-за невозможности сложить лопасти их соосных винтов «вертушки» вписывались в габариты самолетоподъемника с допусками плюс-минус пять сантиметров. Но голь на выдумки хитра: рулетка, мел, банка с краской – и вот на самолетоподъемнике уже нанесена разметка, указывающая, какое положение на палубе должно занимать шасси «Аллигатора», чтобы операция спуска или подъема прошла штатно. Помучавшись немного с первой машиной, остальные три опустили в ангары «Адмирала Кузнецова» почти в штатном режиме.

А над кораблем уже повисли «ночные охотники»... Следом за ними на палубу опустились два Ми-8, из которых местные техники и прилетевшие на «мишках» специалисты стали выгружать на палубу разнообразные ящики и коробки с запчастями.

Через полчаса, мигнув на прощание проблесковыми огнями, Ми-8 поднялись в воздух и удалились в сторону родной авиабазы. А техники «Адмирала Кузнецова» принялись проделывать над Ми-28Н странную «косметическую процедуру». С ротора винта через одну снимали лопасти. Оставшуюся единственную фиксировали к кормовой балке. «Подстриженный» вертолет откатывали к самолетоподъемнику. Сноровка и слаженность, с которой все это было

проделано, подсказали капитану 3-го ранга Максюту, что люди майора Голованова не первый раз подобным образом доводят до нужной кондиции свои машины, и что подготовка к операции началась далеко не вчера.

При ближайшем знакомстве с Ми-28Н Максюту удивило то, насколько прост в обслуживании и неприхотлив этот компактный и красивый вертолет, насколько в нем меньше, по сравнению с Ка-27, точек смазки и узлов, подлежащих пред- и послеполетному облуживанию. Максюта просто влюбился в эту машину. Это как после «Запорожца» сразу пересесть на «Вольво».

За хлопотами незаметно приблизился час «Ч». Прозвучали команды «с якоря сниматься» и «малый вперед». Тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов» и эсминец «Адмирал Ушаков», набрав ход, отправились в поход.

19 декабря 2012 года. Балтийское море, на подходе к Копенгагену, учебное судно «Смольный»

**Журналист и специальный корреспондент
ИТАР-ТАСС Александр Тамбовцев**

На следующий день после randevu с десантными кораблями и прибытия группы спецназовцев в каюту ко мне заглянул Коля Ильин. После пары ничего не значащих фраз мне было предложено встретиться с одной дамой. Вскоре выяснилось, что «дамой» подполковник Ильин называет своего командира, то есть командиршу – полковника СВР Нину Викторовну Антонову. Нина Викторовна ждала меня под тем самым навесом на корме, где мы разговаривали с Колей в первый день. Стояла типично европейская зимняя погода, то есть около нуля, и порывистый ветер бросал горстями мокрый снег пополам с дождем. Мерзость, однако. Сама Нина Викторовна, в отличие от погоды, выглядела вполне привлекательно. Несмотря на ее пятьдесят два года, ни морщин, ни лишних складок, да и фигура вполне спортивная и подтянутая. На первый взгляд ей можно было дать не более сорока лет.

– Не встречались ли мы раньше? – поинтересовалась Антонова после взаимных приветствий. – Где-то я вас уже видала...

Да, полковник Антонова замечательно «косит под дурочку» – не помнит она, как же... Такое не забывается...

Я вспомнил август 2008 года, кажется, десятое число. Окраина Цхинвала, и на этой окраине мы, журналисты ИТАР-ТАСС, и съёмочная группа ВГТРК. Словом все, как в стихах Константина Симонова про нас, военных журналистов:

...На пикапе драном

И с одним наганом

Первыми въезжали в города...

Только, в отличие от Симонова, у нас даже и нагана не было – не положено. Наши только-только вошли в город – и тут «галстукоеды» контратаковали: батальоном на неполную роту, к тому же «сборную солянку», с бору по сосенке. Там я ее и увидел: в черной спецназовской футболке и бронике, каштановые волосы с проседью собраны в пучок на затылке... Еще при ней были «спецы» – то ли четверо, то ли пятеро. Обращались они к ней исключительно «товарищ подполковник»... Она же палила из «калашников», рычала, отплеиваясь от пыли, и материлась как извозчик... Наши ребята держались, но мы понимали, что, пользуясь численным преимуществом, противник в конце концов задавит нас. Все, к счастью, обошлось. В тыл грузинскому воинству ударила рота чеченского батальона «Восток». Джигиты в российском камуфляже, но с черными вайнахскими шапочками, резво высыпали из потрепанных БМП-1, разрисованных надписями «Ямадаевцы», «Чечня» и «Мага». Раздался воинственный клич: «Аллах Акбар» – и... Дальше было как у Михаила Юрьевича Лермонтова: «Недолго продолжался бой: Бежали робкие грузины!» Храбрые «витязи в драном натовском камуфляже» резво бросились бежать – да так, что их трудно было догнать даже на БТРе. Некоторые прикинулись ветошью, при этом продемонстрировав рекорд скорости опорожнения кишечника и мочевого пузыря. Да, такое не забывается, так что придется напомнить, причем предельно тактично...

– Товарищ Антонова, Нина Викторовна, мы с вами действительно виделись, правда, мельком, в Цхинвале в августе 2008 года. Вы тогда были в звании подполковника. Помните: десятого августа, после боя корреспондент ИТАР-ТАСС берет интервью у ротного из бата-

льона «Восток»? Колоритный, матерый такой волчара, с рыжей бородой до пояса. А вы почти не изменились, скажу честно, военная форма вам весьма к лицу.

Полковник Антонова опустила глаза – ага вспомнила (или делает вид, что вспомнила).

– Да, я тогда была при штабе группировки. А вы – в пресс-группе российских СМИ.

Я подумал про себя: «Вот скромница – ну да, при штабе, в самом пекле, она была...» Но озвучивать мысли не стал и изобразил на лице понимающую улыбку.

– Точно, так и было. Правда, поговорить мне с вами толком тогда не получилось. Я с передовыми частями отправился в сторону Гори и Тбилиси. Но героическая грузинская армия драпала так быстро, что мы их так и не сумели догнать. Ну а вы?

Она задумчиво посмотрела в сторону моря, будто что-то вспоминая.

– А моя дорога лежала в другую сторону – сначала в Зугдиди, а потом в Поты.

Тут я вспомнил одно загадочное происшествие – кажется, случилось оно двенадцатого августа.

– Американские «хаммеры» с секретной аппаратурой связи – это ваша работа? – спросил я.

– Знаете, Александр Васильевич, в тех краях пришлось увидеть много интересного... – полковник Антонова ловко ушла от ответа.

– Наверное, вы решили встретиться со мной не для приятных воспоминаний о былых славных делах и походах? – осторожно поинтересовался я. – Товарищ полковник, я вас внимательно слушаю.

– Нет, Александр Васильевич, кто старое помянет, тому...

«Вот, она еще и острить пытается...» – подумал я.

– Я бы хотела побеседовать с вами о цели нашей операции, – сказала она. – А также о ее объективном освещении в прессе. Поскольку вы НАШ человек, то я считаю целесообразным посвятить вас в некоторые ее детали, с целью более эффективного информационного сопровождения операции.

Я пожал плечами:

– Речь идет о Сирии? К сожалению, я так и не смог побывать в этой стране. Был в Ливане, Турции, а вот в Сирии пока как-то не довелось.

– Ну, это не так уж и важно, – отмахнулась Антонова. – Вы журналист. Ваша профессия в чем-то сродни нашей. Как и разведчик, вы ищите информацию, анализируете ее. А потом из увиденного и услышанного пытаетесь создать нечто единое, цельное. Помимо всего прочего, журналисты иногда умудряются сунуть свой нос туда, куда не удастся это сделать разведчику. Но я не о Сирии хочу поговорить с вами, а о Турции. Ведь во время ваших визитов вы проводили все свободное время не на пляжах Анталии, а посещали совсем другие уголки этой страны.

«Да, „контора“ работать не разучилась... – подумал я. – Впрочем, если бы они этого не знали, я бы весьма расстроился непрофессионализму своих бывших коллег...». И уже вслух сказал:

– Итак, с чего начнем? – спросил я.

– Не секрет, – сказала Антонова, – что Турция – это ключевой игрок на сирийской «шахматной доске». Без нее Башар Асад давно бы помножил на ноль всех мятежников. Но чего добивается Турция? Отделения от Сирии еще одного куска территории? Ведь территориальные дразги между Сирией и Турцией начались не сегодня, и даже не вчера.

– Да, – согласился я, – Сирия никогда не забудет то, что в конце тридцатых Франция передала Турции часть сирийской территории – Александреттский санджак (Искандерун). Сирия, естественно, с такой перекройкой ее территории не согласилась. Эта тема продолжала и продолжает быть камнем преткновения в отношениях между Турцией и Сирией. Искандерун, как

удобный порт на Средиземном море и место слияния трех рек, имеет для Сирии стратегическое значение.

– Вижу, что владеете информацией, – улыбнулась Нина Викторовна. – Но до сего времени эти территориальные споры как-то обходились без применения силы. Что же, по-вашему, стало причиной обострения нынешней обстановки?

– Я полагаю, что нынешнее правительство Турции проводит политику «ползучей османизации», – начал я высказывать свои соображения. – Дело в том, что где-то в конце девяностых Турция, после череды военных переворотов, окончательно похоронила идеи «отца турецкой революции» Кемала Ататюрка. Он мечтал о Турции свободной, независимой, светской, порвавшей с идеологией Османской империи. Но 1990 год оказался роковым для турецкой экономики. Стало очевидно, что потеряны десятилетия. Синонимом экономической реформы тех лет стала дикая приватизация и либерализация, безработица, остановка работы многих предприятий, уменьшение государственных дотаций в образование. И все в согласии с вводными, которые давал Турции МВФ. Это-то привело к ухудшению ситуации в социальной сфере и массовому недовольству среди населения. Власть оказалась неспособна бороться с обнищанием, и тем самым образовались условия для возникновения исламистских партий. И они были созданы. В качестве идеологической платформы исламисты взяли идею «неоосманизма» или «неооттоманизма». Тогдашний министр иностранных дел Турции, Ахмет Давутоглу на съезде своей «Партии мира и развития» заявил... – я заглянул в свою записную книжку, – «Мы – неооттоманисты. Мы вынуждены заниматься соседями, и другими странами, включая и Африку». «Неоосманисты» предлагают «великий проект» – Турция хочет преодолеть status quo и превратиться в мощную региональную державу, которая будет претендовать на особую роль в отношениях со странами «османского наследия». Неоосманисты считают, что турки несут историческую ответственность за это пространство и обязаны играть в нем особую роль. Например, обеспечить создание некоего подобия Османского экономического пространства по образцу общего рынка. В это пространство, по мнению «неоосманистов», попадут страны, входившие в состав Османской империи. «Неоосманисты» уже заговорили о формировании общетурецкого дома «от Адриатики до Тихого океана». Неслабый размах у господ турок...

– Все правильно! – сказала внимательно слушавшая меня полковник Антонова, – но вы не отметили еще один немаловажный момент: Турецкие «неоосманы» – можно, я так буду называть для краткости – уже начали делить народы на «первостепенные» и «второстепенные». Вам ничего это не напоминает?

– Напоминает, – кивнула она.

– И очень даже интересные параллели получаются... – продолжил я. – Я записал еще одно интересное высказывание турецкого аналитика – похоже, вашего, Нина Викторовна, коллеги. Он заявил буквально следующее: «Неоосманизм исходит из того факта, что Турция – региональная суперсила. Ее стратегическое положение и культура распространены в географических пределах Османской и Византийской империи. Согласно этому, Турция, как ключевая держава, обязана играть весьма активную дипломатическую и политическую роль в большом регионе, центром которого она является». Согласно доктрины, указаны следующие регионы («второразрядные народы»), которые должны войти в зону турецкого влияния. Это – Балканские страны: Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Сербия без Воеводины, Македония и Молдавия; затем Кавказ: Азербайджан, Абхазия и Грузия, Украина, особенно Крым; Ближний Восток и некоторые центральноазиатские державы. Таким образом, турки не ограничатся только Сирией. Под их прицелом и наши Северокавказские республики, и даже, возможно, Поволжье.

Полковник Антонова окинула меня пристальным взглядом.

– Наши аналитики дают примерно тот же расклад, только чуть подробнее. Теперь вы понимаете, Александр Васильевич, зачем мы отправились в это путешествие?

– Понимаю, Нина Викторовна, – я решил проявить толику профессиональной наглости. – Я даже понимаю, при чем тут ваши «смежники» и некий полковник «Славян». Думаю, что в скором времени в турецкой прессе будет опубликовано много некрологов о погибших в различных авто- и прочих катастрофах людях, планирующих и руководящих операциями турецких спецслужб против Сирии. Я, в общем, все прекрасно понимаю, согласен с таким решением и буду готовить свои репортажи с учетом предоставленной вами информации.

– Тогда, Александр Васильевич, на этом я закончу нашу сегодняшнюю беседу, – кивнула она, – и, если вас не затруднит, по старой дружбе, поговорите с коллегами с телеканала «Звезда». Они ведь тоже должны правильно понимать происходящее и работать в интересах России.

19 декабря 2012 года, Балтийское море, борт учебное судно «Смольный», на траверзе Копенгагена

**Журналист и специальный корреспондент
ИТАР-ТАСС Александр Тамбовцев**

О беседе со мной полковник Антонова, похоже, рассказала своим коллегам из ГРУ. Я сделал вывод об этом потому, что через пару часов после нашего плодотворного с ней общения ко мне подошел все тот же Коля Ильин и официально пригласил меня на встречу с полковником ГРУ Вячеславом Николаевичем Бережном, известным в узких кругах под псевдонимом «Славян». Собственно, о самом полковнике Бережном знал еще более узкий круг лиц, в который допустили и мою скромную персону. Что-то милейший Колюня немного темнит. Похоже, что задумана какая-то операция, в которой информационная составляющая предназначена лично мне. Ох, не зря в эту командировку отправили именно меня, ох, не зря...

Встреча произошла в уже привычном месте. Похоже, ребята из спецслужб оборудовали здесь своего рода «подиум», снабдив его соответствующей аппаратурой. Я полагаю, что все беседы со мной записываются, а потом тщательно изучаются, и при этом анализируются все нюансы разговора. Мне ли не знать, как много интересного можно уловить при спокойном и неторопливом повторном прослушивании состоявшейся беседы? Ну и хрен с ними, пусть пишут, мне не привыкать, да и скрывать от них нечего.

Полковник Бережной внешне был неприметным мужчиной лет сорока пяти лет (позже я узнал, что ему исполнилось сорок восемь). Среднего роста, худощавый, с лицом, покорябанным мелкими шрамами; держался он уверенно и ровно. По точным и спокойным жестам и властному выражению лица сразу чувствовалось, что этот человек привык, и самое главное, умеет командовать. Даже дорогой шерстяной костюм смотрелся на нем как офицерский китель. Так и хотелось увидеть на нем погоны с тремя большими звездами.

– День добрый, Александр Васильевич, – приветствовал он меня, вежливо наклонив голову с аккуратным пробором.

– Добрый день, Вячеслав Николаевич. – Я пожал его руку. – Чем обязан вашим вниманием к моей скромной персоне?

– Моя прелестная коллега, Нина Викторовна, рассказала, что вы весьма лестно отзывались обо мне, – без улыбки произнес «Славян». – А разве мы уже с вами встречались?

– Встречались, Вячеслав Николаевич, восемнадцать лет назад, – сказал я. – Вспомните новогодний штурм Грозного 31 декабря 1994 года. Я вошел в город на броне 131-й Майкопской мотострелковой бригады. До центра мы добрались практически без стрельбы. Слава Богу, увлекшись съемками города и входящей в него техники, я не успел вместе с основными силами бригады оказаться в районе железнодорожного вокзала, где 131-ю бригаду и 81-й гвардейский полк окружили чеченцы. В суматохе уличных боев я забился в какой-то закуток и, прижав к груди сумку с фотоаппаратом и диктофоном, наблюдал, как всего в десяти метрах от меня падает подожженная «чехами» БМП, тлеет ватный бушлат на убитом солдате, а по улице бродят увешанные оружием чеченцы, добывая раненых. Я недолго сидел в своем укрытии. Какой-то «бача» с двустволкой нашел меня и поднял истошный крик. Прибежавшие на его вопли автоматчики выволокли меня на свет Божий. Спасла меня принадлежность к пишущей братии – тогда чеченцы предпочитали с ходу не резать глотки журналистам, дабы не портить свой имидж «борцов за свободу и независимость». Меня повели в штаб Масхадова, который командовал обороной Президентского дворца. Там бы мне и был бы кирдык. Ведь позднее я

узнал, что в списках, составленных нашими иудами и переданных чеченцам, я числился как бывший сотрудник ПГУ. Живым из штаба Масхадова я вряд ли бы вышел. Спасли меня ребята из ГРУ, которыми командовал один лихой майор, очень похожий на вас, Вячеслав Николаевич. Они тихо и деловито завалили моих сопровождающих и вывели меня окольными путями к Консервному заводу, где закрепилась группировка 8-го корпуса генерала Льва Рохлина.

– Ах, вот оно что... – Полковник улыбнулся, удивительным образом помолодев на двадцать лет. – Да, помню те дни. И вас, Александр Васильевич, тоже вспоминаю. Никогда не забуду, как мы сидели на мусульманском кладбище, куда «чехи» свозили своих убитых. Их было столько, что живые не успевали хоронить мертвых, и трупы просто сваливали в кучу. Ночью на кладбище сбегались бродячие собаки и рвали саваны трупов, чтобы отведать человечины... Я потом долго еще вздрагивал, услышав звук раздергиваемого белья, которое моя жена в морозный день приносила с улицы...

– Ох, Вячеслав Николаевич, досталось нам тогда по полной... Я потом ходил на «зачистки» с бойцами из питерского СОБРа. Много чего довелось повидать... Но давайте вернемся к нашим баранам. Кстати, сейчас мы проходим мимо одного примечательного места...

– Это вы о Копенгагене? – Он приподнял бровь. – Красивый город. Дворец там симпатичный, Амалиенбург называется, памятник Русалочке... А что вас там так заинтересовало?

– Здесь родилась «политика канонерок», – ответил я. – Не в Агадире в 1911 году, а здесь, в Копенгагене, в 1801 году. Тогда британский премьер-министр Аддингтон обратился к Дании с наглой нотой, в которой потребовал немедленно открыть датские порты для англичан. Наследный принц датский Фредерик в ответ заявил англам, что сумеет отразить силу силой. Узнав об этом, одноглазый и однорукий адмирал Нельсон с радостью отплыл из Плимута громить датский флот. Формально эскадру возглавлял старый адмирал Паркер, смертельно боявшийся темных ночей и льдов Балтийского моря. Когда два из дюжины кораблей Нельсона сели на мель, а остальные оказались под градом картечи из орудий форта, прикрывавшего Копенгаген, и датских плавучих батарей, Паркер приказал поднять сигнал о прекращении сражения. «Прекратить бой! – заорал Нельсон, – будь я проклят, если подчинюсь приказу!», – и, приставив подзорную трубу к пустой глазнице, сказал своему помощнику: «Уверяю вас, я не вижу никакого сигнала». Датчане мужественно защищались, но их плавбатарей вышли из строя. Пламя с них угрожало перекинуться и на корабли англичан. Тогда Нельсон нашел выход, составив под гром пушек обращение к датчанам: «Если пальба из города будет продолжаться, адмирал окажется вынужденным предать огню захваченные им суда, и даже не будет иметь возможности спасти жизнь храбрецов, которые так доблестно их защищали...» По сути дела, этот урод превратил пленных в живой щит. Чем не Басаев? И принц Фредерик велел прекратить огонь. Было убито более двух тысяч датских моряков, сильно пострадал и сам Копенгаген. За бандитский налет на столицу Дании Нельсон получил титул виконта; орденами же его не наградили, ибо война фактически не была объявлена.

– Да, интересная и поучительная история, – сказал полковник Бережной, – но какое она имеет отношение к нашим сегодняшним реалиям?

– А вы вспомните Ирак, Ливию, Сербию... – ответил я. – Разница лишь в том, что вместо пушечных ядер парусных кораблей нынешние «нельсоны» используют «Томагавки» и касетные бомбы со своих авианосцев. Наше же соединение будет для Сирии своего рода прикрытием от использования «политики канонерок». У вас же, Вячеслав Николаевич, будет своя задача, а у меня своя. Вы, наверное, хотели со мной поговорить о том месте, где эти задачи пересекаются? Мы с вами оба служим Родине, несмотря на то, что сейчас одеты в штатское. И оба понимаем, что такое боевая задача и армейская дисциплина. Вячеслав Николаевич, ни в вашем ведомстве, ни в моем дураков не держат...

– В каком «вашем»? – коротко хохотнул он. – В том, в котором вы работали раньше, или в том, в котором сейчас?

– В обоих, – улыбнулся я, – помните замечательный роман, а затем и фильм по нему – «ТАСС уполномочен...»

– Точно! – улыбка слетела с его лица. – Ну-с, продолжайте...

– Мир пришел к такому состоянию, что Боливар не вынесет двоих. Или в нем будут рулить американцы со своими либерально-монетарно-политкорректными глупостями, или... В ближайшие годы грядет грандиозная разборка, и наш поход – одна из мер, чтобы отодвинуть ее подальше от наших границ. В настоящее время примерно тем же самым занимается Иран, и янки пребывают в растерянности. Таких людей, как вы и ваши коллеги, не вывозят за пределы России просто так, чтобы людей посмотреть и себя показать. Короче, если вашу операцию не засекретят на веки вечные, то я хотел бы получить ту часть информации, которая будет разрешена к открытому доступу, и сделать о вас и вашей группе хороший материал. Страна должна знать своих героев.

Он ненадолго задумался и ответил;

– Хорошо, я посоветуюсь с коллегами и дам вам ответ чуть позже. А сейчас позвольте откланяться. Дела!

Он сделал шаг назад – и так же незаметно исчез, как и появился. Профессионал!

28 декабря 2012 года, Средиземное море, где-то в треугольнике Родос, Кипр, Александрия, борт учебного судна «Смольный»

**Журналист и специальный корреспондент
ИТАР-ТАСС Александр Тамбовцев**

Солнце багровым шаром садилось в воды Средиземного моря. Ласковый морской ветерок оведал лица. По сравнению с зимней Россией пятнадцать градусов тепла – это совершенное лето, просто тропики. Забыты были куртки, шапки, рукавицы и прочие шарфы.

Почти все пассажиры «Смольного» высыпали на палубу. И в самом деле – есть на что посмотреть. Навстречу сводной эскадре Балтийского и Северного флотов подходит отряд кораблей Черноморского флота и его флагман – ракетный крейсер «Москва» – головная боль американского 6-го флота. Как только «Москва» оказывается поблизости, 6-й флот сначала отодвигается подальше, потом сбегает в родной Норфолк: тень условно убиенного «Вандергрифта»¹ не дает спать спокойно звездно-полосатым адмиралам. Следом за «Москвой» идет сторожевой корабль «Сметливый», переделанный из устаревшего большого противолодочного корабля, затем два больших десантных корабля, за ними – спасательный буксир и танкер.

Заходящее солнце подсвечивает корабли алым цветом – да так, что они кажутся выплавленными из звонкой меди. В конце концов, именно эти воды когда-то бороздили корабли древних ахейцев, критян, финикийцев. Именно здесь при Матушке Екатерине Алексей Орлов Чесменский и адмирал Григорий Спиридов ломали хребет грозного оттоманского флота, превращая корабли турок в жирную копоть, плавающую по воде. Прошло больше двухсот лет – и снова русские корабли готовы напомнить и Европе и Азии, кто же все-таки главный медведь в этой берлоге.

Вот так же четыре дня назад в Атлантике, в пятидесяти милях к западу от Гибралтара, встретились Балтийский и Североморский отряды. Правда, тогда было утро, да и погода была посвежее, а в основном – все то же ощущение гордости за страну, с каким-то предощущением того, что мир необратимо поменялся. Может быть конец света, обещанный жрецами майя, произошел, но никто ничего пока так и не заметил? Странно...

На «Смольном» все уже знали, что американский флот, не желая соседствовать с черноморским отрядом, уже очистил от своего присутствия Средиземное море. Впервые за много лет янки отреагировали паническим бегством даже не на демонстрацию силы, а просто на намек на такую демонстрацию. Что же будет дальше? Сирия пока держится – нет, не Башар Асад, а именно Сирия. Ведь понятно, что с падением его режима кончится и страна. Ее разорвут на части банды исламистов, возглавляемые буйными полевыми командирами. Потом придут турки и наведут порядок – мертвый, как на кладбище... А нам это надо? Да ни за что! Турок надо укоротить, пока не стало хуже. Потому что следующую битву они устроят нам за Северный Кавказ. Как будто там уже не настрелялись досыта... А потом им захочется Крыма, Кубани...

¹ *Примечание авторов:* В мае 2003 года, во время учений Российских ВМФ в Индийском океане в акваторию мишенного поля, предназначенную для размещения уголкового отражателя, изображающих мишени для противокорабельных ракет «Вулкан», самовольно влез американский эсминец УРО «Вандергрифт», с целью помешать стрельбам. Но российский адмирал решил, что стрельбы состоятся при любой погоде, и шмальнул «Вулканом» по мишени, несмотря на непосредственную близость «американца». Уголкового отражателя был успешно поражен, а американские моряки, набравшись специфических впечатлений, больше никогда не пытались повторить ничего подобного, предпочитая наблюдать за учениями российских кораблей с почтительного расстояния.

Не, не надо нам этого! Чтобы не воплотились в жизнь страшные фантазии Станислава Сергеева, лучше прямо сейчас объяснить кое-кому правила игры. Дешевле будет.

Мальту мы, Слава Богу, обошли вне пределов ее видимости, пройдя в ста-ста пятидесяти километрах севернее ливийского побережья. По счастью, мы ни разу не напоролись на плавсредства с африканскими эмигрантами, стремящимися, как мотыльки на огонек, в сторону европейского «рая».

А сегодня, за два часа до встречи с черноморцами, все пассажиры «Колхиды», «Смоляного», «Перекопа» и «Енисея» имели честь наблюдать, как на палубу «Адмирала Кузнецова» (он идет впереди нас в параллельной колонне) совершили посадку четыре новеньких истребителя МиГ-29К.

– Свершилось! – сказала Нина Викторовна, гордая, будто это она лично привела сюда эти истребители через воздушное пространство над Каспием, над Ираном, над Северным Ираком, Сирией и Средиземным морем.

Потом она затащила меня в каюту, которая служила СВРовцам штабом. Как ни удивительно, там уже была в сборе вся команда Бережного. ГРУшники приволокли с собой бутылку коньяка и разбулькали ее на дюжину крохотных серебряных стаканчиков. Выпили за летунов и дипломатов – ведь было понятно, что проложен воздушный мост в обход Азербайджана и Турции. Теперь Россия сможет гонять в Сирию транспортные самолеты без риска того, что они будут принуждены к посадке турецкими истребителями. Ибо, когда транспортники прикрывают свои истребители, турки не рискнут их перехватывать, особенно в чужом воздушном пространстве.

Именно тогда я обратил внимание на то, что обе команды плюс я – ровно двенадцать человек, фактически вакантно только место Иуды. Так и не высказав никому своего наблюдения, я дождался, пока вся компания «вздрагнет», и потом поднимется на верхнюю палубу ждать подхода черноморцев. Там я сделал еще одно интересное наблюдение: на корабле, набитом преимущественно военными людьми в форме, сильно ослабла конспирация. Ну а что еще можете подумать человек со стороны, когда люди в штатском называют друг друга «товарищ полковник», «товарищ капитан» и «товарищ майор»?

Отряд кораблей черноморского флота мы встретили выстрелами из салютных пушечек и криками «Ура!». «Москва», а следом и другие корабли КЧФ аккуратно совершили циркуляцию, после чего занял свое место в походном порядке левее нас, балтийцев. Теперь «Колхида», «Смоляный», «Перекоп» и «Енисей» были буквально зажаты «большими парнями» в коробочку. Соединение взяло курс на Тартус.

А потом произошло ЭТО... Солнце зашло, и вокруг нашей эскадры стал сгущаться странный желтоватый туман. Лучи прожекторов вязли в нем, как в густом киселе. Незадолго до полуночи соединение начало сбавлять ход. По какой-то причине ослепли радары и оглохли сонары, соединение будто зависло в пустоте между черной водой и черным небом. В ушах у моряков и пассажиров, повторяя удары сердца, начал стучать метроном, будто отсчитывая последние минуты жизни. И в ушах у всех зазвучал ГОЛОС...

Часть 1. Отсюда – туда

Нигде и никогда, вне времени и пространства

ГОЛОС звучал, перекатываясь в головах людей громовыми волнами.

– Службе Обеспечения Эксперимента приступить к созданию темпоральной матрицы!

– Докладывает Служба Обеспечения Эксперимента: сканирующая линза создана, процесс обнаружения и локализации объектов запущен. – После делящейся вечность паузы, заполненной стуком метронома, ГОЛОС продолжил: – Обнаружено и локализовано шестнадцать надводных и два подводных объекта, объекты в воздухе отсутствуют. Приступаю к процессу сканирования. Десять... двадцать... пятьдесят... восемьдесят... сто... Сканирование завершено, матрица сформирована.

– Службе Обеспечения Эксперимента приступить к трассировке темпоральных узлов-реципиентов.

– Докладывает Служба Обеспечения Эксперимента. Трассировка темпоральных узлов инициирована. Первый доступный узел-реципиент – 4 января 1942 года от рождества Христова, координаты: сорок четыре дробь тридцать один в Гринвичской системе координат. Вторым доступным узел-реципиент – 11 октября 1917 года, координаты: пятьдесят девять дробь двадцать. Третий доступный узел-реципиент – 9 февраля 1904 года, координаты: тридцать семь дробь сто двадцать пять. Четвертый доступный узел-реципиент – 5 июня 1877 года, координаты: тридцать девять дробь двадцать пять. Остальные энергетически доступные темпоральные узлы-реципиенты заблокированы логическими запретами первого и второго уровней.

– Выявленные темпоральные узлы-реципиенты санкционированы, Службе Обеспечения Эксперимента приступить к процессу копирования матрицы.

– Служба Обеспечения Эксперимента к процессу копирования матрицы приступила. Первая копия – готово, копирование успешно! Вторая копия – готово, копирование успешно! Третья копия – готово, копирование успешно... Четвертая копия – готово, копирование успешно... – ГОЛОС хихикнул и в манере хорошо вышколенной стюардессы продолжил: – Дамы и господа, а также товарищи, наш рейс прибыл в 1877 год, за бортом 5 июня означенного года по григорианскому календарю, сто километров южнее острова Лемнос. Командир корабля и экипаж прощаются с вами и просят сохранять спокойствие и мужество. О своих семьях не беспокойтесь, о них позаботятся ваши Оригиналы. – ГОЛОС посуровел. – Делайте что должно, и да свершится что суждено! Аминь!

Узел четвертый, 5 июня 1877 года, Эгейское море, 60 миль южнее острова Лемнос

Раннее утро... Над водной гладью Эгейского моря медленно расплзлось линзообразное облако странного грязно-желтого тумана. Вот клочья его подхватил легкий утренний ветерок, и перед глазами моряков приближающегося Средиземноморского флота Оттоманской империи предстали несколько лежащих в дрейфе кораблей с безвольно обвисшими андреевскими флагами.

Командующий флотом вице-адмирал Гуссейн-паша, рассматривавший русские корабли с мостика флагманского броненосного фрегата «Османие», отдал подзорную трубу адъютанту и огладил пышные усы.

– Аллах сам отдает неверных в наши руки. Судя по виду этих кораблей, у русских собак закончился уголь, и теперь они в нашей власти. И к тому же я не вижу у этих москвитов не только парусов с мачтами, но и достойных нашего внимания орудий. Гладстон-бей, – обратился он к британскому офицеру командовавшему «Османие», – прикажите сделать выстрел – может, эти собаки сдадутся без боя?

Не имея перед собой достойного противника, на Средиземном море турецкий флот в основном занимался перевозкой войск из Египта на Балканский театр военных действий. Опасаясь действий русских рейдеров, турецкое командование задействовало для этой операции даже тяжелые батарейные броненосные фрегаты, вооруженные многотонными дульнозарядными нарезными пушками системы Армстронга – тот еще кошмар.

Сейчас на борту турецких кораблей было десять тысяч пехоты, пять тысяч кавалерии и двадцать пушек, которых египетский хедив любезно предоставил своему повелителю для войны с неверными. Воинство хедива расположилось на палубах турецких кораблей, а в трюмах деревянных пароходофрегат ржали лошади.

Не имея собственных, хорошо подготовленных морских офицеров, турки пригласили к себе в качестве инструкторов и командиров кораблей офицеров британского королевского флота. Вряд ли это им сильно помогло: британский флот в это время больше казался, чем был. Вот и сейчас, отдав приказ выстрелить из носовой девятидюймовки, коммодор Гладстон лихорадочно соображал, почему это вдруг при виде русских кораблей у него в душе появилось нехорошее предчувствие. И этот странный туман – что же он ему напоминает?

Его мучительные размышления закончились сами собой в тот момент, когда пушка на «Османие» все-таки выстрелила в направлении двух русских кораблей, оказавшихся в пределах дальности орудий турецкого фрегата. А тем временем из таинственного желтого тумана появлялись все новые и новые русские корабли... Причем некоторые из них своими размерами превосходили турецкие, а один был вообще громадиной – даже больше, чем знаменитый парусно-колесный гигант «Грейт Истерн».

Ни турецкий адмирал, ни его британские советники не могли знать, что корабли русской эскадры появились здесь всего несколько минут назад, а желтый туман – это остатки внешней оболочки распадающегося темпорального кокона. Не знали они и то, что с того самого момента, как этот кокон начал разрушаться, на кораблях снова ожили радары, сонары и прочая электроника. Боевые информационно управляющие системы, обнаружив в опасной близости от эскадры сборище не отвечающих ни на какие запросы кораблей, включили автоматические сигналы тревоги. Вообще-то и до переброса управляющая автоматика была настроено довольно параноидально, да и люди, в общем-то, знали, куда идут. Поэтому тревогу никто не отключил и, услышав сигнал, на боевые посты с топотом рванулись матросы и офицеры.

После ЭТОГО головы у всех ныли, как после недельного запоя. Контр-адмирал Ларионов, борясь с этой болью, мучительно соображал: «Если это действительно 1877 год, то... Российская империя воюет с Турцией, и, само собой, надо быть на стороне наших предков...»

Когда штурман «Адмирала Кузнецова» доложил, что потеряна связь с навигационными спутниками, причем всех систем сразу, адмирал только отмахнулся. Из боевых кораблей в ближней к противнику линии находятся североморцы: «Кузнецов», «Ушаков» и «Североморск». Из всех прочих кораблей шанс выйти на ударную позицию был только у «Ярослава Мудрого», но одной его башни АК-100 мало, у «Североморска» таких башен две...

Над носовой частью головного турецкого корабля (а судя по алым флагам с белым полумесяцами, это были именно турки) вспух белый клубок дыма. Через пару томительных минут, примерно на полпути между эскадрами, поднялся всплеск. Адмирал тяжело вздохнул и поднял микрофон к губам.

– Внимание! Всем кораблям, говорит контр-адмирал Ларионов! Приказываю по готовности открыть огонь на поражение по турецкой эскадре! – потом, аккуратно повесив микрофон на место, он взялся за бинокль.

Первый его взгляд назад, на «Ушакова»: обе башни уже развернуты в сторону турецкой эскадры. Следом за ним «Североморск», тоже готов к бою. Удар сердца, еще один...

И вот орудия кораблей замолотили бешеным темпом. Воздух наполнился летящей сталью. Ларионов успел перевести бинокль на флагманский корабль турок, и увидел, как его рвут на части осколочно-фугасные снаряды «Адмирала Ушакова». Капитан 1-го ранга Иванов слегка перестраховался и выделил на поражение цели типа «броненосный фрегат» водоизмещением в 6400 тонн двадцать снарядов, которые вылетели в сторону противника в течение всего восьми секунд. В штиль, с места, дистанция всего сорок кабельтовых – условия как для новобранцев на полигоне...

Из двадцати выпущенных снарядов двенадцать попали в цель. Легко пробивая 114–127 мм слой мягкого железа, который в те годы гордо именовался броней, они взрывались внутри корпуса обреченного корабля. В конце всей этой вакханалии разрушения один из снарядов добрался-таки до бомбового погреба, и косматый шар багрового пламени разнес броненосный фрегат британской постройки на куски. В воздух они взлетели вместе с Гуссейн-пашой, британскими офицерами, турецкой командой и египетскими солдатами.

А «Североморск» короткими злыми очередями посылал снаряд за снарядом в конец турецкого ордера, и там факелами вспыхивали деревянные пароходофрегаты.

Потеряв с ходу свой флагман, турецкие корабли сделали попытку развернуться, подставляя борта под огонь русской артиллерии. Два броненосных корвета столкнулись, и теперь, охваченные пламенем, тонули, быстро погружаясь в синие волны Эгейского моря.

Зря контр-адмирал Ларионов беспокоился о том, что больше половины его боевых кораблей бездействуют. В принципе на всю турецкую эскадру хватило бы и одного «Ушакова». Через полчаса на поверхности моря остались только русские корабли, плавающий мусор и головы турецких матросов, цеплявшихся за обломки своих некогда грозных кораблей.

Контр-адмирал Ларионов приказал прекратить стрельбу, спустить катера и собрать уцелевших турецких «водоплавающих». Особый интерес он проявил к людям в турецкой военной форме, но с ярко выраженной англосаксонской внешностью. Кроме того, через час на борту «Адмирала Кузнецова» в адмиральском салоне был назначен Военный Совет. Сообщение о военном совете было отправлено по звукоподводной связи, и, ко всеобщему удивлению, через несколько минут из волн появились рубки двух подводных лодок. Одна из них была дизель-электрической лодкой «Алроса» с Черноморского флота, типа Кило-II (по натовской классификации – «Черная дыра»). Другая – непонятно как взявшаяся здесь АПЛ «Северодвинск», типа «Ясень», которая пока еще не была принята флотом и находилась в процессе государственных испытаний, но при этом несла на борту не массогабаритные макеты вооружения, а

полный комплект ракетоторпед «Калибр» и ракет Х-101/102. Наличие последних означало, что лодка уже была подключена к пресловутому «черному чемоданчику».

Теперь забота об этих восьми ядерных зарядах и четырех ядерных «Вулканах» на «Москве» легла на плечи контр-адмирала Ларионова.

В основном именно на эти темы он собирался поговорить с командирами кораблей на Военном Совете. Также были приглашены полковник Антонова, полковник Бережной и другие командиры частей, личный состав и техника которых перевозилась на «Колхиде», «Смольном» и «Перекопе». Надо было принимать какое-то решение – куда идти, что делать, как и с кем воевать.

Первую кровь туркам они уже пустили, но было это все сумбурно, суматошно и как-то бестолково, больше смахивая на пьяную драку, а не на правильное сражение. И только «антикварность» противника спасла соединение от потерь. В дальнейшем все операции должны проходить более-менее в соответствии с разработанными планами, а не так, как сейчас.

Контр-адмирал догадывался, что их «приземление» из будущего рядом с турецким флотом было одним из испытаний «экспериментаторов». Попались бы они ему в руки! А раз это невозможно – за все будут отвечать турки, ну и англичане, конечно, за компанию.

День Д, 5 июня 1877 года, Эгейское море, 60 миль южнее острова Лемнос, адмиральский салон тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов»

Контр-адмирал Ларионов прохаживался перед собравшимися в адмиральском салоне офицерами. Тишина стояла такая, что был слышен тихий шум принудительной вентиляции.

– Товарищи офицеры, не буду вдаваться в подробности «эксперимента», невольными участниками которого мы оказались, – начал он. – В общих чертах вы и так все знаете, ибо ГОЛОС был слышен всем. Своего рода система общего оповещения – куда более эффективная, чем те, что установлены на наших кораблях. Теперь об военно-политической обстановке. В окружающем нас мире месяц с небольшим, как началась Русско-турецкая война. Та самая, в которой была Плевна, Шипка и так и не взятый из-за страха перед Британией Константинополь. Мы тоже только что слегка отметились в этой войне. Как нам удалось выяснить, скорее всего, на нас вылез Средиземноморский флот Турции...

– Товарищ контр-адмирал, – поднял руку командир эсминца «Быстрый», капитан 1-го ранга Иванов, – разрешите поправку? У меня такое ощущение, что это не турецкий флот «вылез» на нас, а нас «подкинули» ему навстречу. Оттого все и произошло так скоротечно и сумбурно.

– Возможно, что и так, Михаил Владимирович, – ответил контр-адмирал, – но это отнюдь не отменяет того факта, что в Средиземном море у турок флота уже нет.

– Зато есть у англичан, товарищ контр-адмирал. – Из группы сотрудников разведки, стоящих в задних рядах, вышел пожилой мужчина с коротко подстриженной седой бородой. Рукава его рубашки защитного цвета были закатаны до локтя, открывая сильные мускулистые руки. – Корреспондент ИТАР-ТАСС Александр Тамбовцев, или же, если вам будет угодно, капитан Тамбовцев ПГУ КГБ СССР. – Журналист обвел взглядом собравшихся офицеров. – Видите ли, товарищи, военная история России – это мое хобби, можно сказать, вторая специальность. Потому-то любезная полковник Нина Викторовна Антонова и пригласила меня на этот военный совет, ибо никто из присутствующих здесь офицеров разведки не готовился к прошлым войнам. И если операции и сражения времен Великой Отечественной войны еще как-то разбираются в военных училищах и академиях, то более ранние войны отданы на откуп историкам. Ну а информация, хранящаяся в моем ноутбуке, была бы бесценна как для русских, так и для турецких штабистов. Итак, война за освобождение Болгарии (и не только ее) от османского ига. Обстановка на 5 июня 1877 года. На европейском ТВД линия соприкосновения русских и турецких войск все еще проходит по Дунаю. На русской стороне в самом разгаре подготовка к переправе, которая должна произойти через три недели в окрестностях Зимницы. Это прямо в центре русско-турецкого фронта. Еще через неделю падет Николаполь. Если мне не изменяет память, Осман-паша с 20-тысячной армией все еще находится в крепости Видин, это на стыке болгарской, румынской и австрийской границ. После переправы русских войск через Дунай он успеет со своей армией форсированным маршем дойти до Плевны. И из-за этого война затянется на лишние полгода.

На Кавказском театре военных действий обе армии уже начали активные действия. Турки взбунтовали горцев, а русская армия, перейдя границу, начала продвижение к Карсу. Кстати, именно сегодня турками взята в осаду крепость Баязет. Да-да, та самая, о которой писал Валентин Саввич Пикуль. На Черном море господствует турецкий флот, основные его базы – Батум-кале и Варна. Господствует настолько, что турки всю войну не прерывали регулярные грузо-пассажирские перевозки по Черному морю. Вот и вся военно-политическая обстановка.

Кроме того, у России в Европе практически нет союзников, Франция после поражения в франко-прусской войне и Парижской коммуны обессилена и боится каждого шороха. Все остальные страны нейтральны (в лучшем случае), а в худшем, мечтают при поражении России в этой войне ударить нам в спину. Особо в этом деле надо отметить Великобританию и Австро-Венгрию. Вероятность их вступления в войну на стороне Турции достаточна реальна. Союзники же России, сербы и румыны – еще те проститутки, и постоянно смотрят, откуда дует ветер. Вот вкратце и вся политинформация.

– Понятно, товарищ Тамбовцев, спасибо! Коротко и ясно. – Контр-адмирал побарабанил пальцами по своему столу. – Но напомним нам, пожалуйста, внутривнутриполитическую обстановку в России на данный момент.

– Она такова. На Российском троне сидит государь Александр II. Его ближайший помощник – канцлер Горчаков. Оба уже стары, оба придерживаются весьма либеральных взглядов в стиле Путин-лайт. Наследник престола – Великий Князь Александр Александрович, будущий император Александр III, тот самый, который сказал: «У России только два союзника – Армия и Флот». Он придерживается прямо противоположных внутривнутриполитических взглядов, чем его отец, и в либеральной и советской историографии закреплен как оголтелый реакционер.

– Ну что же, Путин-лайт – это все же лучше чем Ельцин-хард, – сострил адмирал, разрядив обстановку. – А если серьезно, то присягу я не нарушал и нарушать не собираюсь. Другие мнения есть? – Собравшиеся ответили молчанием. – Отлично! Следовательно, присягнув России, я должен за нее воевать, а значит, объявляю соединение находящимся в состоянии войны с Османской империей. А начнем мы с создания операционной базы. – Контр-адмирал подошел к карте. – Практически у нас под носом расположен остров Лемнос, как пробкой затыкающий вход в Дарданеллы. Остров населен в большинстве своем православными греками, в настоящее время с большой симпатией относящимися к Российской империи. На борту «Колхиды» имеется оборудование, а на «Смольном» и «Перекопе» персонал, предназначенный для расширения нашей базы в Тартусе. Что вы скажете, товарищ Тамбовцев, нет ли у вас информации о том, что собой представляет турецкий гарнизон на этом острове?

– Товарищ контр-адмирал, точной информации нет, – ответил тот, – но известно, что все турецкие регулярные войска были отправлены на фронт, а охранять порядок в тылу, особенно в христианских областях, остались банды башибузуков. Войска эти – напроць отморозки, недаром слово «башибузук» в переводе с турецкого означает «неисправная голова». То есть, говоря современным языком – «безбашенные». Набирали их в семидесятые годы девятнадцатого века из эмигрировавших в Турцию северокавказских абреков. Что это за публика – те, кто побывал в горячих точках на Северном Кавказе, может себе представить. Так что занятие Лемноса может выглядеть, как своего рода продолжение «контртеррористической операции». И еще одно: воевать с Турцией на стороне России, во исполнении присяги – дело совершенно святое. Но мы приносили присягу России, а не государю-императору Александру II, поэтому идти в прямое подчинение к тамошним деятелям... я бы считал недальновидным. А вот вступить с царем в переговоры, уже контролируя определенную территорию, было бы весьма полезно. Кстати, при царице Екатерине II в этих краях существовала целая российская губерния. Да-да, ни много, ни мало! На островах Эгейского моря, отвоеванных у турок, базировалась в течение нескольких лет эскадра адмирала Спиридова. Столицей островной губернии был остров Парос. Здесь русские корабли чинились, получали провизию и боеприпасы, команды их отдыхали перед выходом в поход. Дарданеллы были практически наглухо заблокированы, и турки ничего с этим не могли поделать. В этой островной российской губернии были организованы русские школы для греческих ребятишек, которые позднее, получив звания офицеров российской армии и флота, отличились в следующей русско-турецкой войне. Все это назло матери похерил Павел I. Почему бы не повторить опыт предков? Взять, к примеру, предложенный вами остров Лемнос. Остров большой, площадь – четыреста восемьдесят квадратных километ-

ров. На острове есть удобные бухты для стоянки кораблей, население в основном греческое, то есть, как вы правильно заметили – сочувствующее русским. Именно здесь можно заложить нашу военно-морскую базу. Отношения с Россией установить как союзнические. Мы воюем с врагами России, а Санкт-Петербургские власти не вмешиваются в наши дела. Заняв эти острова, можно контролировать все Эгейское море, и даже все Восточное Средиземноморье. Ну и, соответственно, устанавливать свою власть над окрестными территориями. Теперь о снабжении... Продукты питания можно покупать у греков и жителей малоазийского побережья Турции. Ведь там, помимо турок, проживает много армян и тех же греков, которые, как я уже говорил, хорошо относятся к русским. Да и сирийские арабы тоже настроены антитурецки, и с удовольствием будут – за деньги, разумеется – поставлять нам продовольствие.

– Вопрос только в том, где взять местные деньги, – хмыкнул контр-адмирал Ларионов, – я не думаю, что кого-нибудь из них устроят российские рубли из кассы соединения. И даже евро с долларами.

– Товарищ контр-адмирал, – вышел вперед полковник Бережной, – деньги в большом количестве имеются в Стамбуле, который, как говорится, есть город контрастов. Веками турки грабили свои европейские и азиатские владения и свозили туда сокровища. Пусть государственная казна пуста, но есть личная сокровищница султана, а также отдельные богатенькие османские буратины, немало награбившие в Болгарии, да и не только в ней. В конце концов, как говорил один из военачальников, деньги – это война, а война – это деньги.

– Все это, конечно, хорошо, но Стамбул не Лемнос, и гарнизон там малость побольше... – возразил Ларионов.

– Кстати, – добавил Тамбовцев, – в самом Константинополе сейчас практически нет войск, кроме двенадцатитысячной султанской гвардии. Солдаты ночуют в глинобитных казармах, расположенных неподалеку от султанского дворца в Долма-Бахче...

– Товарищ контр-адмирал, – не торопясь встал командир авиагруппы «Адмирала-Кузнецова» полковник Хмелев, – разрешите один вылет с пятисоткилограммовыми ОДАБаами, и мы сделаем так, что эти двенадцать тысяч так в казармах и останутся. Навечно... И если там в гарнизоне действительно нет других войск...

Полковник Бережной переглянулся с летчиком, потом с Ларионовым.

– Вы что, товарищи?! Мы, конечно, авантюристы, профессия обязывает, но не настолько же. – Хотя... Если взять в плен султана Абдул Гамида, то тогда война кончится уже на следующий же день.

– Ага, и тогда вся Турция превратится в одну большую Чечню, – добавила полковник Антонова, – в каждом вилайете будет свой султан, и еще с десятков полевых командиров помельче, желающих стать этим самым султаном. Если не найдется какой-нибудь умный и беспринципный паша, вроде Кемалея Ататюрка. Хотя, конечно, можно попробовать, потому что в нашей команде, кажется, есть свой «Ататюрк», российского разлива.

– Вот и решено! – подвел итог контр-адмирал Ларионов, – операцию по захвату острова Лемнос готовит командир батальона «Севастополь» майор Осипян. Полковники Бережной, полковник Хмелев, майор Смирнов и майор Гордеев, ваше задание – проработать план операции по нейтрализации гарнизона Стамбула и захвату в плен султана, что явится первой фазой по овладению Константинополем. Во второй фазе операции к ним присоединятся батальон «Балтика» и батальон «Севастополь», сдавший позиции на Лемносе комендантской роте базы. Все ясно? Ну а с таких позиций можно будет и с самодержцем Всероссийским поговорить. И не как нищелюдам залетным, а как людям солидным, с капиталом и недвижимостью. Все остальные получают поставленную задачу в виде боевого приказа, а посему все свободны...

Присутствующие уже начали расходиться, когда адмирал добавил в уже привычном ему стиле:

– А вас, товарищ Тамбовцев, я попрошу остаться.

Тогда же и там же

Журналист Александр Тамбовцев

Когда мы остались наедине, адмирал пару минут задумчиво ходил по салону, а потом вдруг спросил:

– Александр Васильевич, как вы думаете, каковы вообще наши перспективы в этом времени? Конечно, как военно-морское соединение мы можем уничтожить любой военный флот мира, но, простите, это даже не из пушки по воробьям, это атомной бомбой по тараканам. Да и на суше наши парни могут немало дров наломать, особенно в радиусе досягаемости палубных бомбардировщиков, но... ресурс. Кончатся топливо и боеприпасы, хотя при некоторых материальных и интеллектуальных затратах этот ресурс возобновимый. Но вот запчасти к технике и вооружению здесь еще никак не произведешь... Паршивый затвор к «калашу» не сделать. Короче так, Александр Васильевич, начистоту... Наше соединение рассчитано на полтора-два месяца автономных активных действий, исходя из запасов топлива и боеприпасов, или полгода по ресурсу ЗИПов. И все. – Он внимательно взгляделся в мое лицо. – Вы человек опытный, как журналист – в первую очередь, в общении с людьми. Мы же люди военные, атака-оборона, профессия обязывает. Если и проявляем хитрость и предусмотрительность, то особого рода. От вас же мне нужна помощь в сфере политики, раз уж подобное занятие для нас стало неизбежным. Ведь даже предстоящий захват острова Лемнос и Проливов с Константинополем – шаг сугубо политический, и вызовет большой шум, как в Петербурге, так и в прочих столицах.

Я медленно прошелся туда-сюда по салону и сказал:

– Виктор Сергеевич, конечно, вы правы: шаг, который нам предстоит сделать, является и политическим, но без него нам никак. Да и Александр II, может, на людях и поморщится, но в душе останется доволен. В этом случае будет выполнено и Рейхштадское соглашение – то есть Российская Империя будет непричастна к захвату Проливов, да и сами Проливы будут находиться под дружественным контролем. Ведь это соглашение заключали австрийский и российский императоры. А с нас какой спрос? Теперь, товарищ контр-адмирал, о дружественности. Нам нежелательно идти в прямое подчинение – хоть к Александру II, хоть к будущему Александру III. Царский двор – это еще тот серпентарий. Нравы там царят жестокие, все интригуют против всех, а упавшего дружно топчут. Тамошние порядки не для наших людей, выросших в значительной мере на советских ценностях. Мы должны иметь общий с Империей внешне-политический курс, быть лояльными к ней в военном плане, и одновременно проводить свою, совершенно независимую внутреннюю политику. Теперь по ресурсам и территории... Больше всего дня нас подходят сами Проливы – с островом Лемнос как передовой базой, и по куску европейского и азиатского берега с городом Измиром. То, что мы можем это захватить, я не сомневаюсь, а вот удержать эту территорию возможно, только опираясь на местное население. Товарищ контр-адмирал, мы как-то отвыкли сортировать людей по вероисповеданию. Но это не просто констатация того, в какой храм человек ходит молиться – это то, какой у него менталитет, совместим ли он с нашим в принципе или нет. Славян на этой территории почти нет, но это, может быть, даже и к лучшему. Достаточно вспомнить кровавую резню сербов во время распада Югославии, трагическую судьбу Слободана Милошевича, преданного и проданного своими соотечественниками гаагским упырям за обещание неких преференций, которые сербы, кстати, так и не получили, и прочие жуткие реальности Балкан в XXI веке.

Греки были к России гораздо лояльней, но, к сожалению, мы их несколько раз предали. Один раз после смерти Екатерины Великой, когда вместе с Турцией занялись войной с Францией. А Республику Семи островов, образованную на отвоеванных Ушаковым территориях,

Александр I передал Наполеону, а позднее все Ионические острова попали под тяжелую лапу британского льва. Другой раз – во времена Николая I, когда греки получили в качестве короля Оттона Баварского, а потом Вильгельма Датского – фактически отдали их в руки англичан. Потом – в этой войне, когда не оправдались их надежды в освобождении островов... Ну а Советская Россия оказала Турции помощь в войне с «англо-греческими интервентами». И Кемаль устроил в 1922 году резню грекам и армянам в Смирне. Тогда под звуки турецкого духового оркестра, заглушавшего крики людей, безжалостно убиваемых турецкой солдатней, на виду у эскадры европейских судов, стоявших в гавани Смирны, были вырезаны около двухсот тысяч человек. Думаю, этого достаточно. Для удержания желательных территорий нам понадобится корпус вспомогательных войск, вооруженных трофейным оружием. Не тем барахлом времен Наполеона, которым вооружены башибузуки, а новыми винтовками английского и американского производства, которыми вооружена регулярная турецкая армия. Ну и, конечно, выучка, приближенная к выучке наших морских пехотинцев. Для контроля границ на первом этапе хватит одной дивизии в десять-пятнадцать тысяч штыков. И главное – лояльность: эти люди должны верить нам, как Божьим посланцам, от нас должна зависеть жизнь их семей. Здесь с этим серьезно. Теперь о Российской империи... Во-первых, нынешний император хотя человек и неплохой, но на старости лет его либерализм уже порой доходит до маразма. Под стать ему и канцлер Горчаков. На Берлинском конгрессе они с такой легкостью сольют плоды побед русского оружия, что просто диву даешься. Пусть им и грозили чуть ли не мировой войной, но ведь можно же было поблефовать. Напомнить, к примеру, некоторым судьбу Наполеона...

– Насчет мировой войны пусть не беспокоятся, – буркнул Ларионов, – это моя профессия. Пусть император пришлет желающих повоевать к нам – мы их обучим хорошим манерам. От Триеста «Сушки» с бомбами долетят до Берлина, а от Марселя – до Лондона и Парижа. Я уже молчу про Вену. Ради такого случая насколько возможно поэкономим ресурсы.

Я кивнул и сказал:

– Если в этой войне будет осада Плевны, можно будет показательно, на глазах военных атташе – как их называют сейчас, агентов – разнести эту крепость по камешку, тогда вся Европа застынет в позе испуганной мышки. Но это детали. Суть же не только в страхе перед европейской военной силой, но и в обилии при дворе, и вообще в «обществе», всяческих «филов». Франкофилы, англофилы, пруссофилы, австрофилы... Короче, все это очень похоже на тусовку наших рукопожатых правозащитников, только хозяева у них разные и ненавидят они друг друга люто. Русофилы есть только в окружении цесаревича Александра Александровича, но там это выливается в такие перегибы, такую кондовую реакцию... Фамилию Победоносцев вы наверняка слышали... Так вот, идеи у этого дядечки вполне правильные, патриотические, а вот их воплощение извращено до предела. Можно сказать, его идея «подмораживать» российское болото и привела к росту революционного движения. Хочешь превратить болото в твердое место – надо сваи забивать, да камень с песком сыпать, а не морозить. Природу не обманешь, весна обязательно придет. Если не удастся переубедить Наследника, то отношения с Империей у нас будут умеренно прохладные: при папе по одной причине, при сыне – по другой.

Адмирал махнул рукой.

– Ну да ладно, Александр Васильевич, вы человек опытный, будущий Александр III тоже не дурак – надеюсь, вы его распропагандируете. А что касается этого Победоносцева, то попросим товарища Бережного, и его люди устроят ему геморроидальные колики с летальным исходом.

Я вздохнул.

– Этим лучше не увлекаться, поскольку нам частенько придется прибегать к таким методам за пределами нашего богоспасаемого отечества, и желательно не наводить никого на ненужные мысли... – Помолчав, я добавил: – Так все-таки Лемнос, Виктор Сергеевич?

– И Лемнос тоже, Александр Васильевич. Я подумал, что не стоит туда наваливаться всей массой – точно будет из пушек по воробьям. Выделим один БДК с черноморцами, «Ярослава Мудрого» для огневой поддержки, ну и «Колхиду», «Смольный», «Перекоп» и «Енисей» с буксирами да с танкерами, чтоб под ногами не путались, пока Босфор с Дарданеллами воевать будем. Форты Дарданелл будем не захватывать, а уничтожать. Они ничего не смогут сделать против огневой мощи орудий «Ушакова» и «Москвы». Правда, на перешейках надо будет высадить десанты, чтоб телеграф перерезать, да гонцов отлавливать. Потом и очередь Константинополя с Босфором наступит. Операция планируется в стиле блицкрига, так что готовьтесь. На днях будете беседовать от моего имени с царем или наследником. С кем именно, еще раз хорошо подумайте. А сейчас извините, – Ларионов посмотрел на часы, – меня уже ждут в оперативном отделе.

День Д, 5 июня 1877 года, Эгейское море, остров Лемнос

Капитан морской пехоты Сергей Рагуленко

День уже клонился к закату, когда наш БДК «Калининград» подошел к острову Лемнос с западной стороны. Этот маленький кусок суши, как висячий замок, был способен намертво запереть ворота Дарданелл. Как сказал адмирал Ларионов, когда ставил мне задачу, «этот остров с преимущественно греческим населением должен стать нашей тыловой базой и нашим опорным пунктом».

Низко стоящее солнце заливало оранжевым светом аквамариновую гладь Эгейского моря, густые кедровые леса на склонах гор, да поднимающиеся амфитеатром вверх белые домики под красными черепичными крышами греческого селения с нежным женским именем Мирина. В такую погоду хочется лежать на белом песчаном пляже в обнимку с молоденькой девушкой, а совсем не воевать... Но надо!

Глубины тут большие, берег крутой, а пляжи узкие, поэтому сбрасывать нас будут у самого берега. Так что можно еще постоять на верхней палубе и полюбоваться на пейзаж. Вот взгляду почти полностью открылась маленькая бухточка Мирины. А там – стоящий на якоре то ли паровой корвет, то ли фрегат, короче, нечто парусно-деревянное с длинной дымовой трубой и огромными колесами по бортам. На корме лениво полощется багрово-красное полотнище с полумесяцем – стало быть, турок, скорее всего, посыльный из так называемой Дарданелльской эскадры.

Поднимаю бинокль. Вот засуетились, забегали матросики в красных фесках. Это они зря, голубчики, им бы флаг спустить и принять позу «Ку»... Но поздно: в их сторону уже повернулась носовая башня «Калининграда», и длинная очередь осколочно-фугасных 57-миллиметровых снарядов хлестнула по деревянному корпусу корабля. В небо взметнулись языки пламени, над бухтой пополз жирный черный дым.

Ну все, пора вниз... Начались пляски бешеных драконов. Пока бежал по трапу, перепрыгивая через ступеньки, успел подумать: а как там мой брат-близнец, родная душа, в ледяном крымском январе бьется с вермахтом?

Трюм заполнен приглушенным гулом работающих на малых оборотах двигателей. На моей БМП ребята уже закрепили большой андреевский флаг. Вскрываю на броню, и после трех прыжков бросаю себя в командирский люк. Торчу из него по пояс, как статуя Командора. Створки десантных ворот широко распахиваются, впуская внутрь танкового трюма дневной свет. Командую: «Вперед!» – и захопываю люк. БМП рванулась вперед и нырнула в воду. Заработал водомет, и машина поплыла к берегу, как лебедь белая.

Я приоткрыл башенный люк. Ах ты, мать твою – соленые брызги-то прямо в лицо! Но ничего, водичка-то экологически чистая, без пестицидов, солей тяжелых металлов и прочей гадости. Вся проблема – только утереться.

Ветер подхватывает флаг: белое полотнище с косым андреевским крестом разворачивается во всю ширь, будто говорит, как когда-то говорил князь Святослав жившим в этих краях ромеям: «Иду на вы!»

Быстро плывем к маленькому пляжику в глубине бухты: остальные берега обрывистые, там на берег не выйдешь. Ага, и по самым этим берегам бегают какие-то малоприятные мохнорылые личности в красных фесках и палят в нашу сторону из древних даже для этих времен кармультуков.

А на военном корабле пожар разгорается, но как-то без особого энтузиазма. Да и тушат его там, кажется – вон матросы с ведрами бегают... А это еще что такое? Ворочают орудие на палубе в нашу сторону?! Непорядок!

Берусь за ТПУ и вызываю своего наводчика

– Кандауров!

– Да, тащ капитан? – глухо отзывается в наушниках.

– По фрегату – осколочно-фугасным!

– Это корвет, тащ капитан! – Слышу, как этот негодяй хихикает.

– Ну, значит, по корвету – одна хрень, лишь бы горел! – Хочется и материться, и смеяться одновременно.

– Так точно, тащ капитан, готово! – слышу, как внизу лязгает механизм заряжания.

– Огонь!

Пушка ухнула и... Снаряд угодил в разложенные на палубе холщевые мешочки с порохами зарядами.

Вы никогда не плескали ведро бензина в почти потухший костер? Зрелище, я вам скажу, замечательное. Огонь стеной до неба. Пересохшее дерево корпуса этого корвета вспыхнуло, как облитое бензином. А по берегу с палящими по нам башибузуками ударили пулеметы и автоматические пушки. Правильно – это были именно башибузуки, ибо видно, что одеты они не в синюю форму регулярной турецкой армии, а кто во что горазд. Самодельные воины Аллаха все куда-то попрятались сразу после того, как пару человек разнесло в кровавые клочки прямыми попаданиями 30-мм снарядов, и еще бесчисленное множество было убито и ранено более банальными способами.

И вот гусеницы цепляют за дно – и мы, машина за машиной, выходим на берег. Если верить древнегреческим мифам, где-то в этих краях впервые вышла на берег богиня Афродита. И хоть наши БМП не столь красивы, но рады им местные куда больше, чем какой-то там Афродите.

Мои парни спешиваются, и рассыпаются по окрестностям. Узкая улочка, змеей поднимающаяся в гору, приводит нас на небольшую площадь... Место власти, три в одном: дом раиса, небольшой базарчик и эшафот с расставленными вокруг кольями, на которые насажены головы казненных. Между прочим, там были и женские, и даже детские головы. Оттоманская Порты во всей ее красе!

Тут мне казачья кровь в голову и ударила. И, кстати, не мне одному! Все вокруг стало багровым, в ушах заревело. Бей их, гадов!

Помню, что моя БМП молодецким ударом вынесла ворота в доме и ворвалась во двор. Подхватив автомат, выпрыгиваю из люка и кидаюсь в драку. Выстрелы из древних пистолей, и короткие автоматные очереди в ответ. Оружие бородатые лица, падающие мне под ноги после каждого выстрела, и пуля из древнего пистоля, угодившая в грудную пластину бронезилета. Ух-ты, больно-то как – будто конь лягнул!

Отбираю у глупой девки разряженный пистоль, потом кинжал. Безоружная, она визжит, царапается и кусается, как дикая кошка. Но ничего, у нее это пройдет. Придавливаю на шею мало кому известную точку – и дочка раиса мешком оседает на пол. Почему дочка? Да одета она слишком шикарно, и украшений на ней на целую ювелирную лавку. Рев в ушах стихает.

– Тащ капитан! – передо мной стоит старшина Ячменев. – Все, кончилось, всех... – он замялся, – порешили!

– Отлично! – я провел рукой по оцарапанному лицу, – кого-нибудь, кроме этой стервы, живьем взяли?

– Толстяка одного – местные говорят, что он здесь начальник... Ну и еще пару слуг, которые сныкались и не отвечивали.

– Постой, Ячменев, ты что, и по-гречески умеешь? – не понял я.

– Да нет, тащ капитан, – он пожал плечами, – там в подвале – зиндане здешнем – один грек сидит, то есть сидел. Так он говорит, что купец, до войны в Одессе часто бывал. По-русски болтает будь здоров, только вот странно как-то. Диметриос Ок... Он... Ом... – Блин, не помню дальше...

– Может Онассис? – пошутил я. – Тоже купец, между прочим, был знатный. Ну что же, веди к своему Диметриосу.

5 июня 1877 года, Эгейское море, остров Лемнос

Поручик Дмитрий Никитин (в миру Димитриос Ономагулос)

Меня казнят завтра на рассвете. Во всяком случае, так сказала мне эта жирная скотина, Саид-бей Миринский. Он долго и старательно перечислял все муки, которые падут на голову «неверной собаки», то есть на мою. Ну, терять мне было нечего, и я сказал ему, что лучше сто раз быть молодой и злой собакой, чем один раз старой жирной свиньей.

Перечисление моих завтрашних мук прервал мальчик-бача, который принес хозяину новость о том, что к Мирине подходят два корабля... Скорее всего, из флота инглизов, ибо в турецком флоте таких больших и красивых кораблей нет.

Кряхтя, бей встал с мягкой обшитой шелком подушки и приказал своим слугам бросить меня в земляную яму, где содержатся враги султана и его, а сам... Нет, что вы, этот бурдюк с жиром давно никуда из дома не выходит, и покинет его он только на погребальных носилках. А встречать английские корабли он послал своего младшего сына Селима. Меня же снова бросили в зловонную яму, распорядившись не кормить и не поить «христианскую собаку».

«Что ж, – решил я, когда над моей головой со скрипом опустилась ржавая решетка, – раз уж меня оставили в покое, то стоит попытаться поспать, ибо завтра будет трудный день...» И я улегся на кучу грязной, вонючей и сырой соломы.

Но сон не шел. И я начал вспоминать свое детство. Отца, Ивана Антоновича Никитина – таким, каким он был во времена моего детства: артиллерийский офицер, красавец, душа компании... Мать, Елена Ономагулос – статную черноволосую гречанку, дочь купца и рыбопромышленника.

История любви моих родителей изобиловала совершенно шекспировскими страстями. Но все обошлось счастливее, чем у Ромео и Джульетты. Строгий командир полка дал разрешение на женитьбу поручику Никитину, и суровый отец простил свою юную дочь, посмевавшую влюбиться в молодого русского офицера без его ведома и разрешения. А ведь время тогда было еще то, 1847 год, царствование государя-императора Николая Палыча. Строгость нравов жесточайшая.

На следующий год, аккурат через девять месяцев после свадьбы, родился и я. От отца мне достались серые глаза и четкий очерк скул, от матери – густые вьющиеся черные волосы и смуглая кожа. Следом за мной родились Мария, Леонид, Александр, Елена...

Но сначала была война. В 1854 году мы бежали из Евпатории от высадившихся там турок, англичан и французов. Мне было семь лет, Марии – четыре, а маленький Леонид только-только родился. Дядька Егор, отставной солдат, которого отец выбрал мне в воспитатели, едва успел запрячь бричку, подхватил на руки Марию, мать – Леонида, и мы побежали... Где-то на полпути к Симферополю нас едва не поймали татары, которые с приходом англичан позабыли о том, что они подданные русского царя.

Что они могли с нами сделать? Да все что угодно... Ограбить, убить, продать в рабство... Мать бы наверняка изнасиловали – в те годы она была очень хороша собой.

Лошади неслись во весь опор, сзади, визжа и улюлюкая, нас нагоняли татары. Дядька Егор выпалил в них из старых, еще со времен войны с Наполеоном, пистолетов. Один татарин свалился с лошади, но остальные лишь сильнее завизжали и стали яростно махать над головами кривыми саблями.

И тут из-за поворота дороги, огибавшей холм, выехал казачий разъезд. Донцы-молодцы, спасители наши... Все как на картинке: синие кафтаны, барашковые шапки, бородатые лица

и пики с красными флажками. Команда хорунжего; уставив перед собой пики, казаки сорвали лошадей в галоп.

Страшна сшибка конных – особенно тогда, когда одни всю жизнь готовились к войне, а другие – мечтали пограбить и поизмываться над слабыми и безоружными.

Казачки ловко насадили несколько татар на пики, а потом начали рубить их шашками, знаменитым, как позднее стали называть его, «баклановким ударом» – разрубая супостата чуть ли не пополам, от плеча к бедру. С той поры я и решил, что когда вырасту, то обязательно стану русским воином. И не просто воином, а офицером, чтобы все враги наши так же боялись меня, как эти татары – казаков. Отец мой всю войну провел в Севастополе, сражался на знаменитом Четвертом бастионе, был несколько раз ранен. А мы с матерью полтора года жили в Мелитополе у деда, старого Александра Ономагулоса. Там-то я и научился бегло говорить по-гречески...

Потом я упросил отца, чтобы он отправил меня в кадетский корпус. Как сына георгиевского кавалера и участника обороны Севастополя, меня туда приняли на казенный кошт. Потом было Михайловское артиллерийское училище. И вот, весна 1871 года, подпоручик Никитин – строевой артиллерийский офицер, закончивший училище с отличием. И предложение графа Игнатьева, от которого я не смог отказаться.

Русской военной разведке был нужен человек, хорошо владеющий греческим языком, внешне похожий на уроженца Эллады и имеющий подготовку артиллерийского офицера. Ну и, само собой, преданный России.

Шесть лет мы готовились к этой войне, шесть лет мы собирали сведения о Турецкой армии. Саид-бей – дурак! Если бы он знал, что спрятано на моем корабле... А спрятаны там, ни много ни мало, как сведения о турецких гарнизонах в Проливах, кроки укреплений Босфора и Дарданелл, расположение артиллерийских парков и пороховых складов. Я ведь специально дразнил эту тупую скотину, чтобы к тому времени, как они начнут грабить мой каик и найдут эти бумаги, я буду уже мертв. Спасибо судьбе хоть за это...

От грустных размышлений меня отвлек звук, похожий на орудийный выстрел, за ним еще несколько таких же. «Неужто англичане салютуют туркам? – подумал я, – или турки англичанам...»

Вдруг земля чуть задрожала, наверху что-то залязгало и заскрежетало. Потом загремели выстрелы. Наверху заполошно заорали турки, а потом дом потряс страшный удар, от которого с потолка на меня посыпались комья земли и какой-то мусор.

Я услышал выстрелы – причем звучали они так, словно беглый огонь вел целый взвод стрелков, – топот ног и самые сладкие сейчас для меня звуки – родной российский мат. Только наш русский человек может так выражаться во время схватки, причем неважно, нижний чин это или офицер.

Я вскочил на ноги и прижался к стене. И вовремя – мой турецкий тюремщик сунул ствол своего кремневого пистолета сквозь решетку и выпалил в то место, на котором я только что лежал. Секунду спустя он был сбит с ног выстрелом, и, отлетев к стене, сполз по ней на землю, превратившись в кучу грязного окровавленного белья.

Наверху все стихало. Скорее всего, нападавшие разогнали банду Саид-бея, собранную из подонков и разбойников. Победители стали собирать трофеи и добивать побежденных – это я понял по одиночным выстрелам, произведенным явно в упор. Так они и про меня могут забыть! Из пересохшего горла я выдавил несколько сиплых звуков, потом прокашлялся, собрал все оставшиеся у меня силы, и заорал:

– Люди добрые, помогите! Вытащите меня отсюда!

Наверху послышались тяжелые шаги. Это не были шлепающие шаги турка, обутого в кожаные галоши без задников на босу негу. Шел человек обутый, как мне показалось, в тяжелые армейские сапоги.

– Кто там орет по-русски? – спросил незнакомец.

– Димитриос Ономагулос, купец из Афин! – ответил я, кашляя. – Выпустите меня отсюда!

– Ага, шаз!

Я не мог догадаться, это да или нет. Но откинутая в сторону решетка и спущенная вниз лестница не оставили мне сомнений. Сверху ударил яркий бело-голубой луч света.

– Теперь давай, вылазь, купец афинский...

Не очень-то удобно подниматься по лестнице, когда твои руки забиты в деревянные колодки. Но ничего, я поднялся. Дальше все было как во сне. Мои освободители оказались военными, одетыми в испятнанную угловатыми кляксами форму. Они ловко скovyрнули с моих рук колодку и повели меня куда-то внутрь дома.

Когда мои глаза привыкли к свету, я смог рассмотреть более внимательно своих спасителей. Не было никаких сомнений, что это русские, причем русские солдаты. Но таких я в своей жизни не встречал еще ни разу. Дело даже не в их форме и странном вооружении – эта странность пропадала, как только к ней привыкал глаз. У меня было впечатление, что я вижу воинов, вышколенных так, что они казались частями большой и хорошо отлаженной машины, каждый из которых четко знал, что ему следует делать. В общем, это было совсем не похоже на нашу русскую армию, где за внешним блеском парадов и смотров царили беспорядок и разгильдяйство, из-за которых небоевые потери превышали потери от вражеских пуль и снарядов.

Но, с другой стороны, я шесть лет не был в России, где, как я слышал, под руководством военного министра генерала Милютина шла реформа армии. Может быть, эти солдаты из новых, уже реформированных частей?

На эту же мысль меня навели и эмблемы с андреевским флагом, нашитые на солдатскую форму. Я дернул своего сопровождающего за рукав.

– Солдат, я русский офицер, немедленно отведи меня к своему командиру!

День Д, 5 июня 1877 года, Эгейское море, неподалеку от острова Лемнос

Капитан Александр Тамбовцев

Поздравьте меня! Я снова капитан! Контр-адмирал Ларионов издал приказ по эскадре о привлечении на военную службу офицеров запаса. И вот я опять в рядах родной «конторы»! Чувствую себя будто заново родившимся.

Но вот дело, которое мне поручили... Нет, операцию по захвату острова Лемнос Балтийский батальон морской пехоты проводит без меня. Дарданельскую десантную операцию готовят тоже без меня. Без меня самолеты с разведывательным оборудованием и беспилотники проводят воздушную разведку региона. А я... Ну чем может заняться офицер «конторы» после победоносного сражения? Я буду ассистировать мадам Антоновой – простите, полковнику Антоновой – в одном очень важном деле. Нам предстоит допросить подобранных после разгрома турецкой эскадры военнопленных. Турки нас, мягко сказать, вообще не интересовали. А вот их английские советники-командиры – те да, могли рассказать много важного и полезного.

Допрос мы проводили в одной из аудиторий для занятий учебного судна «Смольный». На первое у нас был лейтенант королевского флота Питер Кроу. Этот молокосос стал грозить нам всеми карами земными и небесными за то, что мы «по-пиратски» напали на корабли, на которых находились подданные Ее Величества королевы Виктории. И для доходчивости прибавил к сказанному «непереводимую игру слов» с использованием лексикона обитателей лондонских доков.

Правда, вскоре я заставил его пожалеть о своих словах, произнесенных в присутствии дамы. Нет, я не использовал приемы из арсенала заплочных дел мастеров Средневековья и не пускал в ход ни утюг, ни паяльник, как братва в малиновых пиджаках с толстенными цепями на бычьих шеях.

Все было вполне гуманно и вежливо. Несколько нажатий на болевые точки, расположенные на голове и шее – и язык инглиза развязался. Наша уважаемая Нина Викторовна, которая вела видеозапись нашей беседы, не успевала задавать нашему английскому другу наводящие вопросы.

Как выяснилось, лейтенант был отправлен командующим Средиземноморской эскадры Ее Величества в распоряжение командующего береговой обороны Турции, британскому адмиралу на турецкой службе сэру Генри Феликсу. Питер Кроу должен был помочь адмиралу проинспектировать береговые батареи Проливов и составить план их усиления на случай возможного прорыва в Босфор и Мраморное море российских кораблей.

К сожалению, лейтенант только направлялся к месту своей службы, и ничего конкретного о системе береговой обороны Проливов сообщить не мог. Но зато он сообщил много интересного о своих бледнолицых братьях, большая часть которых, правда, сгинула бесследно во время побоища.

Второй экземпляр, представившийся Теодором Смитом, оказался еще интересней. Он поначалу долго плевался в нашу сторону, захлебываясь от ярости, кричал о том, что «Господь покарает русских за все их прегрешения против цивилизованного человечества» (ну, прямо, задержанный ОМОНОм «протестут») и по-польски ругал «быдло москальское», которое ему жизнь сгубило.

Из всего сказанного я понял, что перед нами никакой не Теодор Смит, и после курса форсированной рефлексотерапии выяснилось, что мы имеем дело с паном Тадеушем Ковальским. Это был участник польского мятежа 1863 года, служивший хорунжим под знаменами Домбровского и сбежавший в Британию после разгрома мятежников, поскольку в России ему однозначно светила бессрочная каторга или даже пеньковая веревка. В Туманном Альбионе он стал обитателем трущоб лондонского Ист-Энда, занимался сутенерством, а потом, когда объявили набор в королевский флот, пошел служить туда, рассчитывая еще разок напакостить москалям.

Дослужившись до матроса 1-го класса, он сам напросился на турецкую службу, и в составе эскадры отправился в Стамбул. В столице Османской империи он должен был под руководством одного из британских офицеров сколотить отряд, состоящий из русских дезертиров. Этот отряд планировалось использовать в тылу наших войск, совершая диверсии и ведя активную разведку.

Несмотря на шляхетский гонор, пан Ковальский быстро понял, что он стоит на земле этой грешной – и заговорил-запел так, что любо-дорого было смотреть и слушать. Мы с Ниной Викторовной выдоили из него все, что он знал о планируемых действиях английских спецслужб против российской армии и о британских офицерах, которые должны были ими руководить. Для полковника Бережного был составлен список лиц, которых желательно взять живьем во время предстоящей операции по захвату Стамбула.

Третий допрашиваемый оказался командером Джозефом Блейком, советником-командиром одного из турецких фрегатов. Он, к нашему удивлению, не стал запыряться, и довольно охотно отвечал на наши вопросы. Блейк признался, что без большой охоты отправился на временную службу в турецкий флот. Как человек военный, он не мог не выполнить приказ вышестоящего начальства, тем более что после службы султану ему было обещано повышение в чине, да и жалование за время, когда он будет носить красную феску, ему обещали двойное.

– Послушайте, капитан, – обратился ко мне Блейк. – Если бы я знал, что у русских есть такие удивительные корабли, способные сражаться с лучшими британскими броненосцами, я бы ни за какие фунты и пиастры не встал бы на мостик турецкого фрегата.

К тому же турки оказались скверными моряками – ленивыми, неопрятными, недисциплинированными. Я попытался было навести порядок среди экипажа, но куда там! – Блейк махнул рукой, – все без толку. К тому же во время сражения, а точнее, избиения младенцев, когда мой фрегат горел как свеча, эти скоты думали не столько о том, как спасти корабль, сколько о том, как набить карманы. Какие-то ублюдки успели ограбить мою каюту, а еще двое, приставив ножи к горлу, вытащили у меня кошелек, отобрали часы и стащили с пальца обручальное кольцо. И за этих подонков я еще должен был сражаться? Желая вам всыпать им побольше, чтобы они, наконец, узнали, что такое поднимать руку на белого человека!

– Прямо Киплинг! – усмехнувшись, сказал я Антоновой.

Та побарабанила пальцами по столу.

– Да, свербит в нем «время белого человека». Как там писал сэръ Редьярд?

*Неси это гордое Бремя – Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным народам на край земли
На каторгу ради угрюмых мятущихся дикарей,
Наполовину бесов, наполовину людей.*

– Вот-вот, – ответил я ей, – душевным человеком был создатель «Маугли», особенно вот в таких строках:

Солдаты, несите в колонии

*Любовь на мирном штыке.
Азбуку в левом кармане,
Винтовку в правой руке.
А если черная сволочь
Не примет наших забот,
Их быстро разагитирует
Учитель наш, пулемет.*

Блейк с тревогой смотрел на мои с Ниной Викторовной упражнения в словесности и н с тревогой спросил:

– Господа, а что будет со мной?

Полковник Антонова ответила британцу:

– Все будет зависеть от степени вашей полезности российским армии и флоту, а также от вашей помощи нам в войне против турок.

Она дождалась, пока конвой уведет пленного, после чего поинтересовалась моим мнением о результатах допроса.

– Дорогая Нина Викторовна, по-моему, мы узнали достаточно много интересного. Надо еще проанализировать полученную информацию, сверить ее с имеющимися у нас историческими материалами, а потом в обобщенном виде доложить адмиралу. Впрочем, все в рамках того, что мы и так знали из исторических источников, ничего принципиально нового.

В дверь постучали. В аудиторию зашел странно веселый полковник Бережной, и с ним какой-то человек, одетый в камуфляжную форму с погонами старшего лейтенанта, но явно не имеющий никакого отношения к нашим морякам или морпехам. Похоже, что этот плотный черноволосый мужчина средних лет, но уже с сединой на висках, был кем-то из местных.

Бережной приложил руку к козырьку камуфляжного кепи.

– Здравия желаю, друзья. Вот, хочу представить вам местного коллегу, поручика Никитина Дмитрия Ивановича. Он был освобожден из турецкого плена нашими морскими пехотинцами, так что прошу любить и жаловать... Перед войной поручик проводил разведку Дарданелльских и Босфорских укреплений и Стамбульского гарнизона. Более того, при аресте он сумел сохранить добытые материалы, а после своего освобождения передал их нам. Благодаря этому героическому поручику скоротечной Боспорско-Дарданельской операции – быть! Да вы не краснейте, уважаемый, все нормально, мы все только выполняем свой долг перед Россией. Так что, товарищи офицеры, сбор в оперативном отделе ровно через час.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – Нина Викторовна бросила взгляд на часы. – Александр Васильевич, будьте любезны, напишите отчет, а я пойду посмотрю, чем там у нас «аналитики» занимаются, и в первую очередь ваш бывший коллега подполковник Ильин.

5 июня 1877 года, Эгейское море, ТАКР «Адмирал Кузнецов»

Поручик Дмитрий Никитин (в миру Димитриос Ономагулос)

Иногда мне хочется смеяться, иногда – плакать, а иногда кричать: «Господи?! Куда я попал?! Кто эти люди, и зачем я здесь?!»

В один момент мир встал с ног на голову, и все то, что я знал раньше, в одночасье потеряло смысл. Иногда мне это даже нравится – приятно, знаете ли, оказаться на стороне победителей. Тем более в деле, которому ты посвятил всю свою жизнь. Но обо всем по порядку...

Унтер-офицер, которому я сказал, что он имеет дело с русским офицером, не стал со мной спорить, и лишь удивленно приподнял левую бровь. Дальше произошло нечто совершенно невероятное. Он вытащил из нагрудного кармана своего жилета маленькую черную коробочку с торчащим из нее штырем, что-то на ней нажал и приложил ее к уху.

– Товарищ капитан, докладывает сержант Бондаренко. Тут это... грек, которого мы из зиндана вытащили, говорит, что он русский офицер, разведчик... – Коробочка что прохрипела в ответ, и унтер оглянулся. – Так недалеко от ворот мы, под навесом. Ага, так точно, товарищ капитан, выходим к воротам и ждем. – Унтер убрал коробочку в карман и повернулся ко мне. – Вот так, господин офицер, товарищ капитан сейчас подойдет, выходим к воротам, и там ждем его...

У этих самых ворот я остановился в остолбенении: огромные створки из кедровых досок в два пальца толщиной лежали, сорванные с петель. Ну, а чуть дальше, на площади, стояло то, что заставило меня вытаращить глаза от удивления. Боевая повозка, машина – не знаю даже, как и назвать ЭТО – причем того же цвета, что и форма на диковинных солдатах. На вид она вся была сделана из железа, и при этом еще и двигалась не на колесах, а на длинных гибких лентах из металлических звеньев, соединенных в кольцо. Так вот что так лязгало и гремело у меня над головой! Только вот хоть убейте меня – я не представляю, что за мотор приводит в движение сей удивительный аппарат. Ведь для паровой машины необходимой мощности внутри просто нет места... Я же все-таки артиллерист, человек образованный, в технике понимаю достаточно. Да и по службе мне нужно знать о новинках техники. Так вот что я вам скажу, милостивые господа: ничего похожего НИГДЕ и НИКЕМ сделано не было!

Мимо нас прошел молодой подпоручик, бросив на ходу моему сопровождающему:

– Бондаренко, Иванцова не видел?

– Он где-то внутри, тащ лейтенант, – ответил тот, мимоходом козырнув.

Что меня еще очень удивило (кроме боевой повозки, естественно), так это то, что нижние чины, унтера и офицеры были одеты в абсолютно одинаковую форму, различаясь только погонами. Это что же надо было сделать с нашим офицерством, представители которого как сороки обожают все блестящее, и которые ни за что не согласились бы променять свои яркие мундиры на эту форму-невидимку? Похожие взаимоотношения офицеров, хотя бы с унтерами, я раньше видел только в казачьих сотнях. Ну, там все понятно – рядовой казак и офицер обычно с одной станицы, а может даже, с одной улицы. А тут? Ой, не знаю, не похожи что-то они на станичников. Хотя нет, похожи – вот идет один из них...

– Здравия желаю, тащ капитан, – козырнул унтер (как-то не поворачивается у меня язык называть его сержантом), – вот этот человек утверждает, что он русский офицер, хотя сначала сказал, что греческий купец.

Капитан внимательно оглядел меня с ног до головы. Показалось, что он заглядывает прямо мне в душу. По возрасту и ухваткам я угадал в нем старого воина, который, может быть, дрался с англичанами и французами рядом с моим батюшкой на Малаховом кургане или резался с турками под Еривань.

Немного помолчав, он сказал:

– Чем вы можете доказать, что вы офицер Российской армии? Или, милостивый государь, я должен поверить вам на слово?

Немного волнуясь, я подал ему лоскут полотна размером примерно с носовой платок, который извлек из-под подкладки моей куртки.

И тут он снова меня удивил. Коротко хмыкнув, капитан повертел лоскут в руках, бормоча себе под нос:

– Ну где же я вам тут уют возьму?! – Потом сунул его в руки унтеру. – Натяни потуже!

Еще мгновение – и в руках у капитана, как у какого-нибудь факира в ярмарочном балагане, вспыхнул огонь. Он водил пламенем под полотном, и на нем стали появляться зеленоватые буквы. Закончив свои манипуляции, капитан вслух прочитал написанное на полотне: «Податель сего является поручиком Русской армии Дмитрием Николаевичем Никитиным, и действует на территории Оттоманской Порты с моего ведома и по моему поручению. Генерал-адъютант, граф Н. П. Игнатъев. 7 февраля 1871 года».

Капитан еще раз хмыкнул и поднял на меня глаза.

– Что вы имеете доложить, господин поручик?

Теперь в его взгляде читался вполне практический интерес к моей персоне.

Я подтянулся.

– Господин капитан, у меня есть сведения, которые в связи с началом военных действий следует срочно отправить в Россию. В настоящий момент эти бумаги находятся в тайнике на моем каике.

Капитан вернул мне мой документ, буквы на котором по мере остывания побледнели.

– Сержант Бондаренко, возьми машину, пару ребят из своего отделения, и стоняй с господином поручиком в гавань, – сказал он. – Если ротный спросит, скажи – я приказал! И быстро одна нога здесь, другая там!

Что тут началось! Меня посадили на борт одной из боевых повозок, и сказали: «Держись!» Неожиданно повозка подо мной взревела как разъяренный бык. Я от неожиданности чуть... в общем, испугался малость.

Наверх ловко запрыгнули унтер-офицер Бондаренко, и еще двое таких же пятнистых нижних чинов присели на броню (я сразу понял, что машина сделана из толстой прочной стали). Машина дернулась, круто развернулась и с металлическим лязгом помчалась по извилистой улочке в сторону гавани. Едва только раздался первый рык, как на всех заборах и деревьях вокруг нас появились любопытные мордашки соплеменников моей любезной матушки, в возрасте примерно от пяти до пятнадцати годов.

В гавани догорали остатки турецкого вооруженного парохода «Иседдин». Увидев набережную, я присвистнул от удивления. Похоже, что именно здесь полегли лучшие воины Саидбея. Тут были трупы аскеров – внешне совершенно целые, но были также и такие, от которых мало что осталось.

Хвала Николаю Угоднику, моя «Ласточка» осталась целой и невредимой. Старый Константинас, мой шкипер, заместитель и почти второй отец, встретил меня у трапа со слезами на глазах.

– Мой господин, мы уже и не надеялись увидеть вас в живых. – Повернувшись к моим сопровождающим, он низко поклонился им. – Скажи этим храбрым русским воинам, что мы всегда будем помнить добро, которое они сделали для нашего народа.

Я отвел его в сторону.

– Константинас, старый плут, я помню, что, когда меня арестовали, бей оставил на корабле двух своих бандитов. Где они?

– Все в порядке, хозяин. – Старик снова поклонился мне. – Когда в гавань вошел русский десант, эти дети сатаны решили немного пострелять по их железным повозкам. Мы видели, что сделал с корветом всего один снаряд из пушки их повозки, и решили не рисковать. Наши матросы стукнули турок по голове веслами, связали и спрятали в трюме. И – видит Божья Матерь – мы совершенно не знаем, что с ними делать.

– Выкиньте их за борт, – отмахнулся я, – такая мелочь, как жизнь, теперь им совершенно не нужна. Если их отпустить, то они снова начнут разбойничать, пусть и с другим главарем. Свяжи им руки и ноги, напихай камней за пазуху и отпусти на волю – на дно морское.

– Будет сделано, мой господин, что еще? – Константинас сделал рукой неуловимый жест, и нам подбежал один из матросов, кстати, его внучатый племянник. Они немного пошептались, и я был уверен, что теперь, как только мы отбудем, башибузуки отправятся на встречу с крабами.

Я произнес условленную фразу:

– Мой старый друг, мне нужна та самая шкатулка из кедра, которую подарил мне мой уважаемый дядя. Обстоятельства призывают меня по делам службы покинуть вас. Но, прошу постоять несколько дней в Мирине, пока не станет окончательно ясно, ухожу я или остаюсь.

Константинас еще раз поклонился.

– Слушаюсь, мой господин, – И, кряхтя, удалился вниз, где, в только одному ему известном месте, лежала упомянутая шкатулка, открыть которую можно только с помощью ключика, висевшего на цепочке рядом с нательным крестом. При попытке взлома шкатулки все ее содержимое должно было обратиться в пепел. Во всяком случае, так уверял меня мастер, изготовивший ее.

Убедившись, что все в порядке, и получив все свои бумаги в целости и сохранности, я от души обнял моего старого друга.

Потом наша гремящая и плюющаяся дымом машина резво побежала обратно, наверх, к бывшей усадьбе бея. Почему бывшей? Потому что над ней уже развевался андреевский флаг, а на белой стене большими черными буквами по-русски было написано: «Военная Комендатура».

Когда капитан увидел мои бумаги из шкатулки, то у него глаза стали круглыми и блестящими, словно у кота, увидевшего жирную мышь. Он оживился, быстренько пролистал мои записки и схемы, после чего схватился за висящую на боку коробочку (чуть больше той, посредством которой беседовал со своим командиром унтер), и отошел в сторону.

Глядя со стороны, можно было подумать, что человек сошел с ума и разговаривает сам с собой. Но я-то чувствовал, что есть тут какая-то хитрость, и где-то капитана слышат, и даже отвечают ему.

– Алло, «Кузнецов»? Говорит капитан Рагуленко, срочно дайте кого-нибудь из разведотдела. Да, важная информация, касающаяся укреплений Проливов и Стамбула. Что, полковник Бережной? Да, так точно, товарищ полковник, сейчас рядом со мной стоит поручик русской армии Никитин. У него имеются самые свежие схемы укреплений и турецких береговых батарей в Босфоре и Дарданеллах. Да, это человек графа Игнатьева. Есть срочно доставить...

Далее началось нечто, напоминающее романы Жюль Верна. Пока мы занимались моими бумагами, на площади перед бывшим домом бея стал собираться народ, даже заиграла музыка. У моих греческих соплеменников в жизни не так уж много радостей, так что этим самым радостям они умеют отдаваться всей душой. А какой праздник без веселой пляски?

Сгущалась тьма, запылали два огромных костра, топливом для которых послужили обломки выбитых ворот. Музыка играла уже вовсю, и «пришельцы из далеких северных лесов» дружно хлопали в такт зажигательной мелодии. И тут произошло такое!

Неожиданно пробившийся через музыку звук поначалу напоминал жужжание комара. Но довольно быстро это жужжание превратилось в свист, гул и ревущий грохот. Над насмерть перепуганными людьми зависла тень какого-то воздушного аппарата, от которого исходили порывы штормового ветра.

Капитан Рагуленко взял меня за локоть.

– Поручик, вы храбрый человек?

Не зная, как ответить на этот неожиданный вопрос, я кивнул.

– Ну вот и отлично! – сказал он, глядя, как сверху на тросе опускается нечто вроде сиденья. – Господин поручик, я получил приказ немедленно отправить вас вместе со всеми вашими бумагами на флагманский корабль нашей эскадры. – Пока меня пристегивали к сиденью, напоминающему люльку маляра, он пожал мне руку. – Там вас встретит или сам полковник Бережной, или кто-то из его людей. Желаю удачи!

Последние его слова потонули в реве ветра, и меня вознесло на высоту. Только выдержка и офицерская гордость удержали меня от криков ужаса. Через несколько минут сильные руки втянули меня внутрь этого летающего аппарата. А я-то уж думал, честно говоря, что мне всю дорогу придется висеть на веревке, как червяку на крючке. Путешествие можно было бы назвать даже приятным, если бы не постоянный свист и рев над головой.

Через какое-то время аппарат (позже я узнал, что он называется вертолетом) опустился на палубу огромного корабля. Его очертания терялись во тьме, но и так было понятно, что он во много раз больше любого военного судна, которое мне приходилось видеть. Хвала Господу, летающее кресло мне больше не понадобилось и я, слегка покачиваясь, ступил на палубу этого удивительного корабля, прижимая к себе заветную шкатулку.

Меня уже встречали. Это был офицер, так же как и я, поручик и к тому же примерно моих лет. Он представился мне:

– Старший лейтенант Бесоев. Господин поручик, полковник Бережной вас ждет!

Меня снова повели по бесконечным трапам и коридорам. Но прежде чем мы попали к господину полковнику, меня переодели согласно местной военной моде, при этом каптернамус со странным прозвищем «Хомяк» выдал мне кучу малопонятных и вообще непонятных вещей. Полковник же, просмотрев мои бумаги и выслушав мою историю, сказал:

– Поручик, я вижу, что вы наш человек! Поверьте, это дорогого стоит!

Тогда я был несколько не в себе из-за бурных событий минувших дня и ночи. Поэтому только вяло кивнул. Тогда мне даже не пришлось в голову оценить, что означают сказанные полковником слова...

**День Д, 5 июня 1877 года, вечер, Эгейское море,
50 километров юго-западнее входа в пролив
Дарданеллы, Оперативный отдел тяжелого
авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов»**

Поручик Дмитрий Никитин (в миру Димитриос Ономагулос)

Я наблюдал, как контр-адмирал Ларионов прохаживался туда-сюда по помещению, которое здесь называли «оперативным отделом». Вот он остановился и обвел присутствующих внимательным взглядом. Я вижу этого человека первый раз в жизни, но уже понимаю, что туркам очень не повезло, что он со своей эскадрой оказался в этих водах. Адмирал быстр и решителен, и мне трудно даже представить пределы мощи, сосредоточенной в его руках. Да, я уже знаю, что они пришли из будущего, хотя умом мне не понять, как такое возможно. И еще труднее представить себе возможности этой эскадры. Стоит лишь об этот задуматься, как начинает кружиться голова... Ведь это же бездна лет прошла, и даже страшно представить, насколько они обогнали нас в своих знаниях и опыте ведения войн! Но суть не в этом, точнее, не только в этом... Так, кажется, он хочет что-то сказать...

Адмирал еще раз посмотрел на собравшихся и произнес:

– Товарищи офицеры, поскольку любое промедление с проведением операции будет означать утрату фактора внезапности, мною принято решение этой ночью провести Дарданельско-Босфорскую операцию, целью которой является захват Проливов и города Константинополя. О политических аспектах мы поговорим попозже, а сейчас рассмотрим чисто военные...

Он замолчал, а у меня даже дух перехватило. Как, с ходу идти на штурм Проливов и турецкой столицы, опираясь только на мою информацию об укреплениях!?

Тем временем адмирал продолжил:

– Среди нас здесь находится русский офицер, который доставил нам планы укреплений, и схемы размещения турецких частей, несущих гарнизонную службу в Проливах.

Все присутствующие дружно повернулись в мою сторону, и я почувствовал, что краснею как гимназистка; в общих чертах эта информация подтвердила уже имеющиеся у нас данные о системе турецкой обороны Проливов, относящиеся к периоду Первой Мировой войны. Но теперь мы не предполагаем, а знаем точную диспозицию противника.

План такой: форты в горловине Пролива уничтожаются корабельной артиллерией эсминца «Адмирал Ушаков» и ракетного крейсера «Москва»... К моему великому удивлению, с небольшим щелчком на белой стене появилось нарисованное светом изображение одной из привезенных мною схем фортов. Форт «Эртогрул» и, – еще один щелчок, изображение снова сменилось, – форт «Седдулбахир» на европейском берегу являются целями для ракетного крейсера «Москва».

– Василий Васильевич, – обратился адмирал к старшему морскому офицеру средних лет, очевидно, командиру крейсера, – вам не надо разрушать эти форты до основания. Достаточно будет, чтобы их гарнизоны обратились в бегство. После обстрела на берег высадутся ротные тактические группы морской пехоты Черноморского Флота, в задачу которых будет входить захват фортов с суши и закладка зарядов в их пороховые погреба. Оборона Проливов должна быть полностью нейтрализована. Нам не хотелось бы, чтобы кто-нибудь попытался занять брошенные форты, чтобы использовать их против нас. Морская пехота будет продвигаться вдоль берегов Пролива по направлению к Мраморному морю, где она совершит обратную амбар-

кацию на свои транспортные корабли. В настоящий момент батальон морской пехоты Балтийского флота, захвативший Лемнос, сдает свои позиции роте Северного флота, не имеющей боевой техники, и грузится на свои БДК. На их долю выпадает осуществление вековой мечты русского народа – освобождение древнего Константинополя от турецких оккупантов. Что же касается фортов «Орхания тепе» и «Кум Кале» на азиатском берегу Дарданелл, то они являются целями для эсминца «Адмирал Ушаков». Вам, Михаил Владимирович, та же самая задача, что и Василию Васильевичу. При обстреле целей руководствуйтесь принципами минимальной достаточности, экономьте боеприпасы – ресурс-то невозполнимый. А то я вас знаю: начнете махать шашкой направо и налево...

Хорошо нашим «братьям» в XX веке в сорок втором, семнадцатом и даже четвертом годах – местная промышленность худо-бедно может производить боеприпасы для наших артсистем. А тут всю индустрию надо создавать с нуля. Это касается всех – бесполезная трата боеприпасов, топлива и моторесурса техники является тягчайшим преступлением.

«Да, – подумал я, – что-то непонятно насчет братьев в XX веке. Не все, видно, они мне рассказали...»

Пока я ломал голову над услышанным, адмирал продолжил:

– Одновременно с началом бомбардировки с моря турецкие форты в глубине пролива будут атакованы боевыми вертолетами. «Аллигаторы» идут вдоль европейского берега, «Ночные охотники» – вдоль азиатского. Вооружение – НАРы с объемно-детонирующими боевыми частями. Есть мнение в качестве усиления придать вашей группе вертолеты Ка-29 с блоками НАР.

– Товарищ контр-адмирал, – встал офицер с двумя синими просветами и одной большой звездой на погонах, – неплохо будет, если вы придадите нам Ка-29 не в качестве ударных машин, а посадите на них десант – с той же целью, что и высадка морской пехоты в горловине пролива. Тогда мы сможем действовать по схеме «огневой удар – захват». А то пока десант по местным дорогам доберется до внутренних фортов, могут произойти неприятные неожиданности. Я не прошу придать нам спецтуру. Снимите с кораблей хотя бы одну из противодиверсионных рот морпехов и используйте ее для десантирования на форты...

– Разумно, Андрей Николаевич, разумно... – Адмирал потер подбородок. – Так и сделаем. Придадим вам роту морской пехоты капитана Грибова с Балтийского флота. Товарищ капитан, вам все понятно? Когда мы закончим, подойдете к майору Смирнову и с ним согласуете взаимодействие. С Дарданеллами, кажется, все уже решили. Начало операции в 22:00. Походный ордер первой группы: головным идет СКР «Сметливый», за ним – БДК «Калининград» и «Александр Шабалин». Вторая группа выдвигается в пролив после завершения подавления береговой обороны. Она состоит из флагманского корабля соединения ТАКР «Николай Кузнецов», эсминца «Адмирал Ушаков» и БДК «Саратов» и «Новочеркасск». Замыкает колонну БПК «Североморск». Десантные корабли к моменту выдвижения должны обратно принять на борт морскую пехоту. СКР «Ярослав Мудрый», учебные корабли «Смольный» и «Перекоп», транспорт «Колхида», вспомогательные суда, плавгоспиталь «Енисей» и крейсер «Москва» остаются на острове Лемнос в гавани Мудроса. – Адмирал перевел дух. – Теперь по Константинополю. Батальон балтийцев высаживается в самом городе. Черноморцы – одна рота на европейском берегу в известном всем местечке Сан-Стефано, другая на азиатском берегу, в местечке Гебзе. Их задача – перерезать дороги, ведущие вглубь страны, и не допустить как бегства членов турецкого правительства из столицы, так и подход подкреплений к гарнизону Константинополя. Товарищи офицеры, все свободны, остальные распоряжения по финальному этапу вы получите непосредственно перед началом операции.

Мы все уже поднялись, собираясь выходить. Честно говоря, здесь, среди этих людей я не знал, куда мне теперь идти и что дальше делать. Но тут адмирал снова заговорил:

– А вот вас, полковник, Бережной, я попрошу остаться. Это же относится и к полковнику Антоновой, подполковнику Ильину, майору Гордееву, капитану Тамбовцеву и... – он встретился взглядом со мной, – поручику Никитину.

**День Д, 5 июня 1877 года, вечер, Эгейское море,
50 километров юго-западнее входа в пролив
Дарданеллы, Оперативный отдел тяжелого
авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов»**

Капитан Александр Тамбовцев

Вместе со мной в помещении оперативного отдела остались полковник ГРУ Бережной, полковник СВР Антонова, подполковник СВР Ильин, майор ГРУ Гордеев и поручик Российской армии Никитин, он же греческий негодник Димитриос Ономагулос. Сплошные шпионы, или, говоря вежливо, разведчики!

Значит, речь пойдет о чем-то головокружительно лихом, о чем потом нельзя будет говорить лет пятьдесят, а может, и поболее. Интереснее всего, пожалуй, наблюдать за поручиком. Он тут единственный из хроноаборигенов, и к тому же самый младший по званию. Чувствует себя с полковниками-подполковниками как мышь на кошачьей свадьбе. У них тут с этим сурово: старшие офицеры для поручиков почти что небожители, а контр-адмирал для него и вовсе как полубог...

Но, как ни странно, контр-адмирал Ларионов начал совет именно с поручика. Впрочем, если задуматься, то ничего в этом странного нет: в Русском флоте принято было начинать военный совет с младшего по званию, дабы не давить их мнением старших.

– Господин поручик, – контр-адмирал сделал паузу, – я хочу еще раз выразить вам свою благодарность за доставленную информацию. Думаю, благодаря вам будет спасено немало человеческих жизней.

– Ваше Превосходительство, господин контр-адмирал, я попал к вам случайно, ваши люди меня сами нашли. Причем в самом неприглядном месте – подземной тюрьме бея Мирины. Можете представить мое состояние: я уже готовился к встрече с Всевышним, причем после не самых приятных процедур... И тут буквально ниоткуда являются ваши лихие молодцы, и разносят все в пух и прах. – Поручик перевел дух. – Ведь я сначала подумал, что турок атаковала самая обычная реформированная часть Российской армии. Ну восстановили военный министр Милютин морскую пехоту, ну карабин автоматический на вооружение приняли... А вот что вы пришли к нам из будущих времен, так о том первые подозрения у меня возникли лишь тогда, когда меня закинули в этот летающий экипаж – вер-то-лет. Ведь даже ваша боевая самодвижущая повозка не вызвала у меня большого удивления. Ну, машина, ну ездит сама – так паровоз тоже сам ездит... Так ведь у нас, господа, и век такой, что каждый день чудо на чуде, да и месье Жюль Верн, до романов которого я большой охотник, постарался отбить нам способность удивляться.

– Да-а-а... – протянул контр-адмирал Ларионов, выслушав исповедь молодого человека (впрочем, какой он «молодой» – старше любого из присутствующих на целое столетие). – Во всем, получается, виноват месье Жюль Верн. Но вы-то сами, поручик, как думаете – будете с нами дальше сотрудничать или нет? – Его голос и выражение лица стали совершенно серьезными. – А ведь нам очень нужна ваша помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.